

Вера Зубарева

ЛОЦМАН НА ТРУБЕ¹

Он всегда появляется в этом кадре памяти: стоит на кухне и жарит омлет. Солнечно, звуки машин доносятся с улицы, в квартире никого. Омлет празднично пенится в чашке, растет, а потом с шумом проливается на сковороду, где хорохорится какое-то время, пока огонь не сбивает с него спесь и он не оседает, превращаясь в обыкновенный яичный круг. Праздник окончен.

Он ест в одиночестве, вернувшись после ночного дежурства в порту. Сколько времени он отсутствовал? Ровно столько, чтобы наступило солнечное утро и квартира опустела. Всякий раз память возвращает меня в этот отрезок времени. И я не могу прильнуть к нему, ощутить его тепло, потому что тогда этого не было, а сейчас этого не будет. Память не домысливает — память фиксирует. В памяти он всегда одинок.

Вина перед отцами... Она открывается не сразу, а по мере странствий по жизни, по мере перехода от детскости к взрослости, а затем к отцовству или материнству. Тогда и понимаешь, что ты всегда был в ответе за них, за их улыбку, за их тревогу... Отцы — как большие корабли. Когда они отчаливают от берегов жизни, дети становятся гаванью памяти о них.

К морским глубинам тянется душа...

На полу блики света. Они обрываются у постели отца, где он прилег, чтобы отоспаться после дежурства. На нее накладывается другая постель — та, на которую он прилег, чтобы отоспаться после жизни. Она быстро размывается, уступая место первой. Отец спит на раскладушке, втиснутой между стеной и письменным столом. Это память о разводе. В одном из ящиков стола дышат его дневники. Память останавливается здесь. К этому ящику у нее нет пока что доступа. Он появится только после смерти отца. Вечная дилемма, перед которой стоит память — продлить ли сон отца или получить доступ к ящику.

¹ В романе использован архив отца.

В конце концов, ящик откроется, но все вопросы останутся неотвеченными.

Мне достанется только то, что на страницах дневников, а что за пределами написанного, станет вотчиной другой памяти — той, что шире моей, что вмещает и мою, и отцовскую, и много других памятей. Из них и слагается моя гавань.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ²

Где ты, Л.?

НАЧАЛО

Я не знаю, как все было, но я знаю, как все было. Отныне прошлое существует каким-то кинематографическим срезом в той метафизической тетради, из чернил которой все мы вышли. В ней — жизнь, в ней отец на своем корабле, который не-горит-не-тонет. Вот перегнулся за борт, глядит на фиолетовую воду, отражаясь ликами героев своих рассказов, новелл и очерков.

Много ли надо, чтобы осветить потемки прошлого? Всего лишь лучина, зажженная чьим-то воспоминанием.

* * *

Одесса, июнь, цветение акации. Воздух сладкий, хочется лизнуть его. Виктор срывает несколько цветков с ветки и пробует их на вкус, как в детстве. Вкус тот же, а детство ушло-убежало, не вернуть. Ну, и хорошо. Все ведь только начинается.

Почти два года назад 13 октября 1939 года шестнадцатилетний юноша был зачислен на 1-й курс судоводительского отделения Одесского морского техникума. Число тринадцать в его биографии возникнет трижды, и все три раза будут значимы. Но об этом он пока не знает. Так же, как не знает, что у него будет три имени — одно, данное ему при рождении, второе — при втором рождении, а третье дам ему я, чтобы он жил на этих страницах и я всегда могла к нему вернуться, в любой из моментов его жизни.

² Публикуется первая часть романа.

* * *

Ты помнишь, что было той ранней весной? Ты проходил практику на самом красивом паруснике в мире — четырехмачтовом величавом барке «Товарищ». Прозрачный горизонт с парусниками облаков, море лениво плескалось внизу, и будущее казалось таким же прозрачным и светящимся, как воздух в июне. На эту картину накладываются другие воды, как несогласованные глагольные времена, как стилистическая неточность. Ты отражаешься в них уже стариком, уже по ту сторону горизонта, вдали от родного города, который ты оставил, чтобы быть рядом со мной. Для моряка воды — время, а берега — пространство. Время ведет к пространству, в этом его логика, его смысл. Все, о чем ты просил тогда, — устроиться смотрителем какой-нибудь яхты. Твоего английского вполне бы хватило и на большее, не говоря уже об опыте капитана. Ты мечтал, как будешь смотреть на звезды на палубе, покачиваясь в такт волнам. Ты скучал по качке, по радиорубке, по лоцманскому мостику. Ты скучал по тем минутам, когда мог предвкушать линию берега, появление первой птицы. Это я понимаю только сейчас, когда свожу воды твоей юности с водами твоей старости.

Почему я не нашла тебе эту проклятую яхту, которая снится мне каждую ночь! Она стоит на якоре, заброшенная, и скрипит, как приведение. Или плачет. Она плачет по тебе, по тем несбывшимся вечерам общения. Как много она хотела тебе поведать!

* * *

Барк встретил тебя, как сказочная Царевна Лебедь. Ты аж рот приоткрыл от изумления — никак не ожидал такой красоты. Трепыхались на ветру белоснежные крылья-паруса, и казалось, ничего более романтического за всю историю мореходства не было построено — не корабль, а симфония ветра и многоярусных облаков.

Немудрено, что ступив на палубу, ты сразу же почувствовал себя одним из детей капитана Гранта — именно в том фильме 36-го года и был отснят «Товарищ» во всей своей волшебной красе. Ты был самым младшим из практикантов, и над тобой то и дело добродушно

подшучивали, но боцман Адамыч не давал тебя в обиду и только по-отечески обучал тому, что другим уже довелось освоить. Ты осваивал все быстро и, однажды обучившись чему-либо, уже никогда не делал промашек.

Адамыч занимал твое воображение. Колоритная фигура и личность легендарная — первый боцман советского флота, а как сердечно держался с ребятами! Никто не знал, сколько Адамычу лет. Правда, в судовой роли значились имя, отчество и год рождения боцмана, но все звали его просто Адамычем и о возрасте редко спрашивали — боцман не любил подобных вопросов. Бывало, юный моряк полюбопытствует: «А сорок вам уже есть?» Но Адамыч лишь молча сощурит покрасневшие глаза и, слегка потрепав кудлатую шевелюру юнца, пойдет прочь.

Говорили, что ему за шестьдесят. Менялись капитаны, уходили и приходили матросы, каждый год появлялись новые практиканты, и только старший боцман учебно-парусного судна-барка «Товарищ» неотделим был от парусника, как жвака-галс³ от якорь-цепи.

Адамыч появлялся на палубе с восходом солнца, и до позднего вечера можно было видеть его коренастую фигуру в сапогах с широкими раструбами то у бесчисленных снастей, то у шлюпки, то у якорного устройства — святая святых боцмана. Эти сапоги не снимались ни зимой, ни летом. Адамыч всегда был при деле, но находил время ободрить шуткой уставшего или «привести в меридиан» нерадивого. При этом он никогда не повышал голос, никогда бранное слово не срывалось с его уст. «Чали-моряк куриная голова» или «чали-бамбук» — высшая степень неудовольствия — звучали хуже любого громового разноса. Неизвестно, откуда он взял это слово «чали». Быть может, от английского «чайльд» — сын, ребенок... Или выражение «ор-геби». Произносил он это *ор-геби*, когда вахта брасопила реи⁴. Вначале следовало протяжное «о-ор», словно: «Команда, приготовиться!», — затем быстрое и энергичное «геби», и все дружно наваливались на снасть.

Ходил Адамыч по палубе торопливыми цепкими шагами, покачиваясь, и, казалось, руки у него были лишние. Эти руки — тяжелые, узловатые, крепкие — как-то странно выглядели без работы. А работу Адамыч ставил превыше всего и разгильдяйство пресекал — шутиливо,

³ Отрезок якорной цепи

⁴ Брасопить реи — поворачивать реи посредством брасов, сообразно изменениям в направлении ветра.

но внушительно. Его слушались беспрекословно, и не только потому, что приказ следует выполнять. Уважение молодняка к Адамычу было особое. Его почитали, как отца, и за глаза никогда ничего дурного о нем не говорили.

Адамыч почти никогда не сходил на берег. Только придя в Одессу, он долго и тщательно одевался, стряхивая с костюма воображаемые пылинки и, проверив в последний раз, все ли в порядке, медленно спускался по трапу и шел на Базарную улицу...

Весной 1941 года «Товарищ» взял последнюю группу практикантов.

* * *

С Адамычем они сдружились.

Виктор старался вовсю. Не хотелось ударить в грязь лицом перед бывальыми, и среди салаг не хотел быть последним. Однажды на утренней приборке его работу отметил боцман, во всеуслышание похвалив новенького.

— Молодец, «чали-моряк»! — сказал он, проходя мимо.

Виктор просиял и с удесятерившимся рвением закончил приборку. Вскоре он обогнал даже самых опытных практикантов и к концу практики выполнял ответственную квалифицированную работу.

Изучать приходилось много. Как-то один из матросов, Степан, второй год работавший на барке, решив повыпендриваться перед «салажатами», начал скороговоркой перечислять снасти стоячего и бегучего такелажа⁵: крьюйс-брам-ванты, фор-стень-фордуны, фор-бом-брам-бакштаги, фока-брасы, фор-марса-брасы⁶... Виктор только рот раскрыл. Ни за что не запомнить и не выговорить ему столь мудреных названий!

А матрос, упиваясь своими познаниями и теперь уже перейдя к «морской травле», продолжал рассказывать, как пьют чай на клотике⁷, точат напильником лапы якоря и что, между прочим, от качки очень помогает проглотить немного морского ила с якоря, а в плохую

⁵ Совокупность всех снастей судна.

⁶ Снасти судна.

⁷ Приглашение «на клотик чай пить» — популярная на флоте шутка над матросом-новобранцем. На клотике не только невозможно расположиться для чаепития, но и удержаться на нем проблематично.

видимость разгоняют голяками туман. Глаза у новеньких округлились, а рассказчик, выдержав паузу, пояснил, что «голяком» моряки называют метелку.

Адамыч незаметно подошел к группе, послушал, а затем сказал негромко:

— Ну, до тумана еще далеко, Степушка, а пока возьми-ка голяк и подрай гальюны как следует.

И матрос с романтического фор-бом-брам-рея был живо спущен до самого прозаического, известного каждому салажонку гальюна.

Через полмесяца практики все эти грозные названия не звучали уже так таинственно. Вместе с другими практикантами Виктор уверенно бегал по реям, ставил и убирал паруса и понимал все яснее, что море — это больше труд, чем романтика.

— Голая романтика без упорного труда — достояние экзальтированных девиц, — частенько говаривал Адамыч.

И тем не менее, дух романтики бережно поддерживался им. Его Коли, Вани, Миши давно уже самостоятельно бороздили океаны, стали известными всей стране капитанами, начальниками пароходства, работали в Министерстве, а он продолжал учить и воспитывать молодежь, передавая эстафету хороших морских традиций новому поколению. Но делал это всегда с большим тактом, остерегаясь задеть самолюбие и чувство собственного достоинства у будущих штурманов. Здесь для них все было впервые: впервые надетая брезентовая роба, первый самостоятельно завязанный морской узел, первая вахта под открытым небом, первая качка, — одним словом, первая морская практика. Для некоторых она оказалась и последней — море не любит слабых.

В теплые летние вечера вдали от берегов, когда барк, идя под всеми парусами, накренившись от свежего ветра, проглатывал мили, на палубу вытаскивали из кубрика гитару, и над морем неслись песни. Пели о трех эсминцах, о каком-то штурмане с фрегата, популярную в те годы песню о кочегаре. Адамыч любил слушать эти песни, вспоминал прошлое и рассказывал о былых плаваниях «Товарища», о красавице из Рио-де-Жанейро, фотография которой висела у него в каюте (и не важно, что такую же фотографию кто-то из моряков нашел в подшивке старого комплекта «Советского спорта»).

Рассказывал он и о столкновении «Товарища» в Английском проливе в феврале 1928 года, когда парусник перерезал и потопил ита-

льянский пароход «Алькантара», а в живых остался лишь моментально поседевший кочегар этого судна, чудом успевший ухватиться за ватер-штаг-снасть, идущую от бушприта к форштевню⁸.

Иногда при сильном ветре, когда барк маневрировал вблизи берегов и авралы следовали один за другим, по окончании работы можно было видеть, как медленно плетется к себе в каюту, жуя на ходу табак, уставший Адамыч. Тогда с удивлением замечали, что боцман стар...

В небольшой каюте, увешанной различными открытками и заваленной всяким морским инвентарем (шутили, что Адамыч даже старые кнехты где-то подобрал и уволок к себе в каюту, и от этого «Товарищ» имеет постоянный крен на правый борт), он медленно раздевался и ложился спать.

* * *

В последний день практики Адамыч сказал Виктору:

— Приходи, сынок, будем работать вместе. У тебя чутье морское есть.

Радости Виктора не было конца. Мало того, что предложение на летнюю работу получил, так еще и от самого Адамыча!

Так что скоро в море... Судно ждало в Мариуполе, и он должен быть там через пару дней. Нужно еще успеть позвонить матери в Глухов, поделиться новостями и узнать, как она.

Виктор взглянул на часы — подарок родителей в честь поступления в мореходный техникум. Под ледышкой циферблата бежит-стучит время. Вот так ровно пусть и билось бы сердце матери, не заходило бы в груди. В детстве у нее обнаружили двойной порок сердца, и врачи предупредили, что девочке будет нелегко с таким заболеванием.

— Это ничего, — отвечала им бабушка Виктора. — Главное, чтобы не было порока души, а с пороком сердца как-нибудь проживем.

И мать жила, и даже родила двоих детей с разницей в два года, так что у Виктора была младшая сестренка Женечка.

⁸ Снасти судна.

* * *

Виктор прикладывает ухо к часам. Пульс дома ровно бьется на его запястье.

— Так держать, — приказывает он их механическому сердцу.

Небо почти уже обчистилось, стало совсем лазурным, как в детской книжке. Он вспоминает «Сказку о Золотой Рыбке», которую ему читала бабушка. Он любил слушать ее по многу раз, и особенно ему нравилось там море, которое то сердилось, то выжидало чего-то, то одаривало, а то и наказывало. Он верил, что море — это живое существо, и желал поскорей вырасти, чтобы отправиться на поклон к чудо-морю, как это делал Старик из сказки. А позже он узнал, что и апостолы были рыбаками, и перед Моисеем расступились воды... О, сколько чудесных сказаний связано с морем!

Он останавливается и глядит на величественную панораму порта внизу. Со стороны моря на горизонте появляется самолет. За ним другой, третий... Вскоре их уже целая стая. Тревожная железная стая. Небо разбивается на отрезки, к сладости акации примешивается запах гари.

«Внимание, внимание! Говорит Москва...»

Что-то недоброе шевельнулось в алюминиевых колокольчиках репродукторов. Их немедленно окружили стайки прохожих, и замерли в ожидании.

«Сегодня, двадцать второго июня, в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска напали...»

Группки у репродукторов притихли, как птицы перед грозой.

* * *

С матерью так и не удалось попрощаться. Кое-как дозвонился до нее. Она бежала на почту по пыльным, неасфальтированным дорожкам Глухова, мимо больницы святой Ефросинии и приюта для сирот, а потом между домами — так короче, — и он слышал ее прерывистое дыхание в трубке в тот момент, когда их наконец соединили.

Время билось в часах, как неистовое, и он легонько поглаживал циферблат, но это не помогало.

— Береги себя, слышишь? Витюша, береги себя, сыночек...

— Да, мама, да, и ты тоже себя береги, и Женю, и бабушку. Я вас всех люблю.

— А может, не пойдешь, подождешь, пока призывной возраст исполнится?

— Mam, ну что ты... Я же с училищем... Многие так, что ж я, хуже других?

— Лучше, ты лучше, ты лучше меня и всех нас... Сыночек! Папу забирают в пехоту. Готовлю ему с собой вещи.

— Попрощайся с ним от меня, мама...

— Да, да, конечно... О чем это я?

— У вас осталась минута, — бесстрастно сообщила телефонистка на том конце.

— Как минута? Как минута? Это мой сын, мы даже ничего не успели сказать...

— У всех сыновья. Линия перегружена. Заканчивайте.

— Мама! Я вернусь, я вернусь!

— Витюша, бере...

Все. Связь прервана. Но только та, которая по проводам. Другая растет, крепнет, разветвляясь жилами, сосудами, нервами...

* * *

Резкий порыв ветра сдувает птиц с веток, а за ними срываются листья, и вихрем вторгается в мир осень — не романтическая, не красочная, не «очей очарованье», а облезлая, мокрая, в драных листьях.

Бьются, хлещут ветки по окнам, по крышам, по лицам. Почтальоны ходят неслышно, как роковые вестники, как тени, переплывшие Лету. Двери ждут их настороженно, держа наготове приколоченные почтовые ящики.

За окнами — лица ожидания, все разные. Вот лицо ребенка-галчонка: рот приоткрыт, глаза серьезные, смотрит, что там, за окном, до подоконника еле подбородок дотянул. А вот лицо жены. Жены ли еще? В глазах испуг, до ящика бы дойти как можно незаметнее. Почему незаметнее? Да кто ж знает, почему? Таков инстинкт.

Земля колеблется под ногами, нет в ней прежней устойчивости.

Штормит земля, только почтальоны по ней и перебираются беспрепятственно. Ветер гонит их, как серые парусники, дает им направление, смысл. Несут свои письма с морей, полей и небес.

СЛОВА РАЗМЫТЫ...

Он ворочается с боку на бок, в море качает, дождь накрапывает. В прежние времена от этого только еще крепче спишь, а теперь... Тревога в сердце, тревога в море. Тревога! Вскაკивает — неужели-таки вздремнул под шорох мыслей? Тихо. Качает по-прежнему. Уже светает, сереет густая тьма, будто продавщица из молочного магазина разбавила ее водой. Товарищи спят, только сменились. Стараясь не шуметь, Виктор натягивает одежду и выходит на палубу.

Солнце медленно выныривает из вод. Завтра Виктору исполнится восемнадцать, а оно будет все так же выныривать, как ни в чем не бывало. Дома, наверное, будут праздновать его совершеннолетие, и мама всплакнет, а бабушка обнимет ее и будет молча прислушиваться к чему-то.

Бабушка связана с землей и водой, она руку ко лбу приложит, пошепчет что-то, и жар в землю уходит. А еще она может в будущее заглянуть, только никто не знает, как это у нее получается. Сядет, бывало, руки на коленях сложит, и смотрит куда-то, то ли вглубь, то ли вдаль. Он тоже рядом с ней садился, когда маленький был, и смотрел, задрав голову, ей в глаза. Но она, казалось, этого не замечала, ничего не замечала, пока так сидела.

— *Бабушка, кем я буду, когда вырасту?*

Они сидят на ступеньках и смотрят на горизонт. Вечереет.

— *Когда ты вырастешь...— она задумывается,— ты станешь... взрослым.*

— *Ну, бабушка, ну, скажи!*

— *Сам узнаешь, всему свое время.*

— *А ты знаешь?*

— *Не знаю.*

— *Нет, знаешь, знаешь, только сказать не хочешь! Ну, скажи, ну, пожалуйста, ну что тебе стоит?*

Она внимательно смотрит на пятилетнего внука, потом при-

крывает глаза и, слегка поглаживая его по голове, говорит нараспев:

— Ты будешь на гребнях стихий, и они будут слушать тебя, как тело слушает голову. Они будут нести тебя, а ты будешь ими управлять. И всегда, и везде вы будете единым целым.

— А кто они такие, стихи эти?

— Не стихи, а стихии. Это невидимые силы мира.

— Так значит, я буду их королем?

— Значит, будешь.

Вот и сейчас, должно быть, сидит и смотрит на солнце, как оно поднимается из вод, влажное, красное. Он даже видит ее, напряженно наблюдающую восход, а как видит — и не знает. Где-то внутри это зрение. Бабушка! Она сидит неподвижно, и солнце накаляется от ее взгляда, который буравит его, вызывает солнечную бурю. Солнце начинает метать языки пламени, воздух дрожит, в него врываются самолеты.

Тревога! За минуту все уже на палубе. Пушка бьет, орудия гремят, все бегут куда-то, и только бабушка сидит неподвижно, вперившись в солнце. Корабль подбрасывает, и еще раз... Крики, стрельба, разрывающиеся прямо в воздухе тела.

— Прыгай, — почти не разжимая губ, говорит бабушка. Лицо ее по-прежнему каменное.

Он прыгает. Вода обжигает, заклинивает дыхание на миг. Вокруг — месиво из тел и обломков, не разобрать, где части человека, а где — корабля. Кто-то поодаль выхватывает пистолет и прикладывает дулом к виску. Он зажмуривается и плывет в какую-то сторону. Главное — не оглядываться. Оглянешься — окаменеешь.

Люди камнями идут под воду

Бабушки уже нет. Наверное, прочитала на горизонте все, что нужно. Теперь он совершенно один.

Последний, сокрушающий взрыв за спиной, а потом — тишина. Он плывет, и даже всплеска волны неслышно. Полный покой. По воде расплываются алые паруса. Состояние покоя проникает сквозь одежду и кожу и продвигаясь к сердцу.

Чувствительность потеряна. Он плывет просто так, в никуда, плывет, как плывет сама жизнь, как эта чайка, что молчаливым сфинксом качается на волнах.

— Держись! — слышит он позади себя.

Но он не оборачивается. Оглянешься — окаменеешь...

А вода вдруг оживает, начинает колыхаться, хлюпать, и чайка встревожено слетает с гребня, издав гортанный звук.

— Держись, сынок...

Человек в шлюпке настигает его. Это Адамыч, Виктор узнал его по голосу и обращению — тот всегда молодняк «сынками» называл.

Шлюпка почти поравнялась с Виктором, и Адамыч протянул ему руку.

— Хватайся, сынок! Жив, молодец... А вот «Товарища» не стало — фашисты потопили его...

Да, не думал боцман, что суждено ему пережить свой белоснежный барк, а вместе с ним и своих старинных коллег, и юных практикантов.

Оставшуюся часть пути они плывут в полном молчании, окруженные внезапной пустынностью мира. Вдали виднеются берега Мариуполя. Хочется спать.

— Погоди, сынок, не спи. Нужно до берега дотянуть.

Виктор соглашается, но ничего не отвечает, и в конце концов их подбирает взявшийся неизвестно откуда тральщик. Им дают по полстакана спирта, а потом боцман ведет их в баню отмыться от мазута. Начинает гореть кожа, все пылает внутри и снаружи. Доктор осматривает Виктора. Шрапнель застряла в левой руке, чуть ниже локтя, и у плеча, недалеко от сердца. Даже я увижу бугорок у него под кожей много лет спустя и затемнение на снимке в области сердца. Вот она, война, ее можно потрогать, рассмотреть...

— А это не опасно? — спрашиваю врача, который на мгновение сливается с тем, из военного времени.

— Нет, не опасно. Осколки вросли в ткани и уже никуда не двинутся.

Пока война медленно врастает в моего отца, он кое-как доползает до каюты и бухается в койку.

Потом все исчезает.

* * *

Из дневника 1941 года

Я начинаю новую тетрадь своих заметок. К сожалению, предыдущие с друзьями погибли при условиях довольно неблагоприятных (слова размыты), так что (слова размыты) ... спасении тогда бы

меня не было и мы (слова размыты)... Быть может, когда-нибудь я вспомню об этом и допишу ту небольшую тетрадочку ... Сейчас мне было бы очень трудно просмотреть «дела давно минувших дней» и снова вспомнить пережитое. Но пока пора кончать мое вступление.

1941 г. Начало ноября. Дата начала теперешней тетради. Удивительно, как переменчива судьба! «Что день грядущий мне готовит?»

День накануне моего совершеннолетия запомнится навсегда. Это было тринадцатое число. Как же ненавижу я эту цифру! Поневоле становишься фаталистом, хотя осознаешь, что это абсолютный абсурд. Я хорошо запомнил эти бледные, перепуганные, растерянные лица, руку, держащую пистолет у виска, густые клубы пара, заволакивающие всю эту картину, и судно, медленно погружающееся в воду... Картины смерти (слова размыты)... Меня волнует отсутствие всякой связи с матерью и сестренкой. Связь с отцом была потеряна с момента его взятия в армию. Где они? Что с ними?..

ТРИ ИМЕНИ

Стучат, стучат подводы, бегут, бегут дороги... Дороги...

Вот уже который день семья Виктора с колоннами беженцев переправляется бог знает куда. Бегут почти налегке — самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки — одна на него, а другая на его отца.

Обе-две, в один день. И день стал ночью.

Птицей серой почтальон прилетел вместе с декабрьской стужей, стукнул пальцем-клювом в дверь, и заплакала дверь, застонала, вспомнила о том, как ствол рубили-распиливали, как дом сколачивали, как ее на петлях прилаживали. А теперь что? От стука этого пошатнулась — в самое сердце пальцем своим острым клюнул. «Это конец, это конец», — заплакала-заскрипела.

Вышла мать — платок прабабкин на плечах. Сколько их выходило вот в этом самом платке принимать вести о мужьях и сыновьях? Не от ветра он, платок этот, не от стужи. Холодно в нем, тяжело.

Почтальон два письма из-под крыла молча вынул, отдал, и понес его ветер дальше по бесцветной дороге. А мать стоит как вкопанная — уже обелиском стала, и только письма трепещут в руках, как птицы,

которым не взлететь.

В конвертах холодно. Там ничье сердце не бьется, и привета там ни от кого нет. Мать не обманешь, она и раскрывать не станет. Вот так и будет стоять под этим небом каменным, пока не разорвут ее на клочки самолеты.

- Зайди в дом, Феня, дверь закрой — Женю, не ровен час, застудишь.
- Мама! — Она протягивает оба конверта.
- На стол положи и свечу зажги.

Стол просторный, дубовый, за ним семье никогда тесно не было. Во главе, где корни, бабушка восседала, по одну сторону от нее дочь с мужем, по другую дети, а на противоположном конце — никого, только даль в окне.

- Бабушка, что это за письма? Это от папы с Виктором?
- Нет. От папы с Виктором другие письма, не эти.
- А почему не распечатываешь? Бабушка, дай открою!

Свеча забилась, заметалась, тени на стене заплясали мажор.

- Не для твоих это глаз, деточка, сама открою.

Две похоронки лежат на столе, одна подле другой. «Ваш муж»... «Ваш сын»... Все остальное — одинаково в обеих.

- Мама! — вскрикивают обе одновременно, падая грудью на стол.

Нет им утешения. Больше почтальонов не будет, а дом, который обходят почтальоны, превращается в трухлявый пенек. Уже почти вся улица в таких пнях, почти весь город.

Бабушка садится у основания стола, руки сложены в замок. В окне напротив смеркается, кроме сумерек ничего не видно. Перед ней оба письма. Взглянула на них, словно вглубь прошла, чуть задержалась взглядом на одной из похоронок.

- Муж твой погиб. Не жди его, не вернется. А Виктор — жив. Не смей оплакивать его.

Ни слова не добавила больше, не утешила, не подбодрила, только дом обвела прощальным взглядом.

И ушли они вдаль, смешиваясь с эшелонами.

* * *

Три женщины ехали длинной и трудной дорогой, и точно такой же длинной и трудной дорогой ехал Виктор, и дороги эти не пересекались.

Из дневника 1941 года

Скоро Новый Год. Двухнедельный так называемый отдых сменился путешествием Тамань — Джемете. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Длинная, однообразная дорога, метель... За спиной котомка чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут еще тринадцать таких же, как ты.

Тринадцать... Число, ставшее датой его второго рождения, словно воплотилось в идущих, и он движется вместе с ними, словно под их прикрытием с фронта и с тыла: тринадцать впереди, тринадцать позади. Вместе это двадцать шесть — сумма числовых значений имени Бога... Но он об этом не знает. Это знание откроется однажды мне, а у него — дорога.

Из дневника 1941 года

Как длинна и однообразна зимняя дорога! Насколько может видеть глаз, столбы и столбы. Столбы без конца... Сколько мыслей приходит в течение этого пути! Только от неимоверной усталости невозможно сосредоточиться ни на одной — они набегают друг на друга и тут же улетучиваются, как сны... Но главная мысль и главный вопрос неизменно присутствует: когда же дойдем, когда же конец пути?

Он идет, сыплет снег, набегают волны памяти с лицами погибших друзей с «Товарища». Одно лицо сменяется другим, третьим... Вновь видятся ему в метели семь самолетов, что кружат чертовым колесом, по очереди пикируя, сбрасывая бомбы и обстреливая судно. У носового орудия Алешка с помполитом подают снаряды. Алешка... Он так мечтал сбить «фрица» и получить орден! Первая половина его мечты сбылась в тот роковой день. А вот вторая... Изрешеченные пулеметной очередью Алешка с помполитом остались лежать на полубаке рядом с пушкой. Но главную мечту Алешки, которую тот поведал ему втайне, Виктор унес с собой. Алешка мечтал выучиться на капитана, только никто не должен был об этом знать, иначе бы его засмеяли, поскольку в свои девятнадцать он сумел закончить всего шесть классов.

«Вот придут они наниматься на работу, — шептал он Виктору, кивая

на спящих ребят, а тут я выхожу — в фуражке, при погонах. А они...»
Эх, Лешка, Лешка! Быть тебе героем, а капитанами уже другие будут...
С этими мыслями пересел Виктор на грузовик, который повез всех в Новороссийск.

* * *

На причале везунчиков ожидал начальник отдела кадров Медведев. Впоследствии выяснилось, что Медведев отличался феноменальной памятью. Работая почти два десятка лет в кадрах, он никогда не заглядывал в личное дело моряка, знал всех в лицо, помнил о взысканиях, наградах, семейных неурядицах. Он был близорук и носил огромные роговые очки с большим увеличением, отчего глаза его казались состоящими из одних зрачков.

Двадцать семь человек окружило Александра Михайловича в ожидании дальнейшего.

— Здравствуйте, герои! — бодро поприветствовал их начальник отдела кадров, пожимая каждому руку. Затем повернулся к капитану одного из кораблей и кратко осведомился: — Кто погиб?

Капитан стал перечислять погибших, которых Медведев нанимал на работу, и весть о смерти того или иного моряка воспринималась им как личная утрата.

— Третий механик Вербицкий, матросы Максютя и Головань, второй механик Харченко...

— Харченко? Борис?

— Да...

— Ой-ой-ой!.. Не зря Оксана так боялась отпускать его в этот рейс. У них младшему сыну едва годик исполнился, сама она чудом спаслась с детьми при эвакуации из Одессы. Помните гибель «Чкалова»? Она эвакуировалась на нем. Ума не приложу, как сообщить ей об этом... Кто еще?

— Кочегары Риндин и Бородай и помполит Черкезов.

— И Черкезов тоже... Каких людей теряем!.. Комиссар, бывший красный партизан, герой Цусимы. Просил же его переходить в управление — на пенсию давно пора. Так нет, «буду там, где больше нужен». Как он погиб?

— Был на полубаке у орудия. Его и Максютю прошило пулеметной

очередью.

— Дела... — Он опустил низко голову, помолчал, а через минуту скомандовал: — Ну, на абордаж! — Строй шевельнулся, и матросы стали живо запрыгивать на грузовик с брезентовым верхом.

Ехали молча. Все зверски устали и мечтали поскорее плюхнуться в постель. Вскоре грузовик остановился у борта «Проциона» — деревянного барка, поставленного на прикол и превращенного в общежитие, где по большей части жили моряки с погибших судов. «Процион» стоял в тихом уголке на нерабочем причале. Туда долетал лишь слабый отголосок порта. В конце причала начинался волнолом. При сильных ветрах с моря волны набрасывались на бетонную стенку, разбивались и, превращенные в пыль и брызги, высоко поднимались, перелетали волнолом, потеряв большую часть своей мощи.

«Процион» с голыми мачтами, со снятым бегучим такелажем выглядел жалким и сиротливым, несмотря на отчаянные усилия команды содержать его в чистоте и порядке. Краска поблекла, кое-где облупилась, а покрасить заново нечем — все снабжение доставалось действующему флоту. И хотя подшкиперу удавалось выпросить кандейку-другую белил или чернил у знакомых боцманов, это не меняло положения дел.

Дважды вблизи «Проциона» рвались бомбы, и в нескольких местах деревянный корпус его потек. Пришлось поставить цементные ящики. Несмотря на все это, чистота на барке соблюдалась идеальная. Старые матросы (многие из них начинали свое плавание еще на парусниках) каждое утро производили приборку и мойку палубы по всем правилам: скатывали, швабрили, лопатили, а раз в неделю волочили по палубе тяжелый гладкий камень, после чего доски палубы блестели, словно лощеная бумага.

Команда парусника состояла из пенсионеров и инвалидов. Капитан «Проциона» завел обычай встречать экипажи погибших судов, выстраивая на палубе весь свой пенсионный личный состав. Завидев прибывших, он подавал команду «смирно» и, приложив руку к посеревшей от времени мичманке с зеленым крабом, пропускал на барк новых временных постояльцев.

На памяти Виктора это был единственный случай, когда капитан стоял по стойке смирно перед матросами. Затем в подшкиперской уса́тый подшкипер дядя Коля выдавал обмундирование и неизменный ватник небесно-голубого цвета. Список ему заранее приносил Медведев, и матросам оставалось лишь подобрать одежду по размеру

и расписаться в получении.

Незаметно перекрестившись, дядя Коля вычеркнул фамилии погибших из списка.

По штатному расписанию должность его называлась «заведующий складом вещевого довольствия», и, когда в начале войны Медведев предложил это место дядя Коле, находившемуся на пенсии, старый моряк с возмущением отказался, считая, что не моряцкое это дело — заведовать какими-то складами. Тогда начальник кадров переименовал заведующего складом в подшкипера, а кладовую в подшкиперскую, куда капитан приказал перетащить паруса и снятый бегучий такелаж барка.

Дядя Коля, не усмотрев подвоха, с радостью принял новое назначение, поселился в каюте подшкипера и даже ночевал на паруснике, лишь изредка навевываясь домой.

— Старухе моей не привыкать оставаться одной, а у меня здесь дело есть, — отвечал он любопытствующим. — Вдруг ночью потребуюсь, что ж, до утра меня дожидаться?

Вахтенный показал им дорогу и, толкнув дверь в кубрик, сказал:

— Вот и дом ваш, вниз по трапу. Занимайте любую койку, на всех припасено. Долго тут народ не задерживается. Ну, недельку побудете. Один кочегар, правда, Белов, тут надолго присох, третью неделю мается, его два «деда» не схотели взять на коробку.

— Пьет, что ли? — поинтересовался Виктор.

— Не-е, сурьезный человек, только невезучий. Четыре раза тонул. Только назначат на коробку, как в тот же раз пароход и потопнет: или на глину напорется, или разбомбит фашист. А он как замороженный — хоть бы царапина. Вот и слава о нем пошла. Ну, отправляйтесь-ка на боковую, а завтра с утра — документы получать. У кого сохранились, то предъявит, а остальным новые выпишут.

Все уснули почти мгновенно. Только Виктору уснуть не удавалось. Он ворочался с боку на бок, менял позу, почему-то считал койки и лампочки. Тридцать восемь коек, по четыре в секции, проходы между секциями, тумбочки в проходах у борта, на потолке семь лампочек. Койки... лампочки... дневальный... белые переборки и серые тумбочки... море, как чудо-рыба, ударяется брюхом о борт... тишина...

Очнулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Открыл глаза и увидел выкрашенный белой масляной краской потолок и две металлические штанги от койки. Где я?

— Ну, и здоров ты спать, Витюх! Уже девятый час. Пора документы

новые получать.

Санек, сосед с нижней койки, усмехнулся. Он уже был одет и готовился на выход.

— Какой девятый...

Виктор взглянул на часы. Ого! Больше четырнадцати часов проспал!

* * *

В отделе кадров было много народу. Каждому что-то требовалось — то какая-то справка, то удостоверение, то подтверждение. Когда Виктор подошел к столу, пожилой мужчина в кителе спрятал очередную пачку личных дел и кивнул ему на стул:

— Присаживайтесь, юноша. Вас как зовут? Документы сохранились?

— Нет. С кораблем потонули. Адамыч может подтвердить мою личность.

— Адамыч, конечно, да-да, помню... — Кадровик вдруг засуетился и понизил голос: — Адамыч звонил мне по Вашему поводу...

— Адамыч уже звонил? Простите, я проспал...

— Да ничего... Вам положено. Как-никак чудом в живых остались. — Кадровик замялся. — Вы это... — Он понизил голос и, глядя в бумаги, пробормотал: — Ну, в общем, так, сынок. Война сейчас, понимаешь?

— Да как тут не понять, — усмехнулся Виктор, не понимая к чему тот клонит.

— Так вот. Имя тебе, сынок, сменить надо бы. Ну и все прочее...

— Как? Почему?

Кадровик дотронулся до его руки.

Нет, до твоей. Ты никак не мог взять в толк, чего он хочет, чем плохо твое имя. Вроде не шпион и не лазутчик, и никто тебя не разыскивает.

— Почему? — прошептал ты.

— Нельзя тебе, сынок, с именем «Кива»... Нельзя. Война, фашисты... — Он снова многозначительно посмотрел на тебя.

Ты вдруг понял.

А он продолжал:

— Я тут все обмозговал, с Адамычем посоветовался. В общем, так. Кимом будешь.

— Каким еще Кимом? Почему Кимом? Нет у нас в роду никаких Кимов.

- В роду нет, а в истории есть. Ты ведь любишь свою родину?
 - Ну, люблю. При чем тут это?
 - А притом. Ким — это сокращенно «Коммунистический интернационал молодежи». Понял?
 - А, ну раз так... Это даже почетно. Пускай будет Ким тогда.
 - Родился где? На Украине?
 - На Украине. А что, и это менять нужно?
 - Это не нужно. Родился на Украине. Так и запишем. Значит, украинец. У-кра-и-нец. Запомни.
- Ты смотрел, как под пером кадровика всходит твоя новая биография. А как быть со старой? В каком кармане памяти ее теперь хранить? Вскоре документы были готовы.
- Вот, бери,— сказала я голосом кадровика. И прибавила: — Виктор.
 - Почему Виктор? — спросил ты, проясняясь на странице.
 - Тебе подходит.

НЕ ПЛАЧЬ...

- Проснитесь, проснитесь же! — Мать тормошит Феню, что есть сил. Стоны ветра перемешиваются со стонами больных. Кому холодно, кого в жар бросает, кто просто спит тихо, слишком тихо...
 - Что, мама? — Феня еще в полусне, ничего не понимает, ежится. Подводу на каждой кочке подбрасывает, но Женечка спит, как убитая. Нет, нет, не хорошее это сравнение, не к месту...
 - Береги Женю, слышишь? Береги Женю! Меня оставь, если что, а от Жени не отходи!
 - Да что вы, мама! Что вы такое говорите! Никогда мы вас не бросим, спите, спите.
- Но мать продолжает тормошить ее, понимая, что та от усталости, как в дурмане.
- Слушай, что я тебе говорю, слушай внимательно и запоминай. Что бы ни случилось, оставь меня. Бог обо мне позаботится. А у тебя Женя. Женю береги.
- Наконец-то сознание возвращается к ней, а с ним и озноб. Ночь выдалась холодная, промозглость от земли тянется к людским телам, тепло в себя перетягивает, а у человека зуб на зуб не попадает. Огонь пляшет, пляшет, от одного тела к другому перебрасывается, и тела

трещат, как сухие поленья, и земля им снится, где гниль да мрак.

Бабушка в огне том мечется уже с вечера. Как только зорька вечерняя взошла, так и задрожала она, точно осиновый листочек сухонький. Ни стати бывшей не осталось, ни размеренности движений. Вот-вот сорвет ее ветер с древа жизни.

— Мама, мама, да что ж это вы расхворались некстати, — дочь ей шепчет.

— Тиф, сыпняк, — кратко говорит доктор и удаляется к следующим подводам, точно почтальон тот серокрылый.

Бабушку снимают с подводы и перекладывают на другую, а их дальше везут. Из пятерых уже двое осталось, птица Сирин...

— Женечка, какая птица Сирин? О чем ты?

— Птица Сирин, птица Сирин...

— Сыпняк, — кратко говорит доктор и снова удаляется.

Мать падает на трясущееся тело дочери, закрывает его, как солдат амбразуру, и огонь прошивает ее, изрешечивает, ну и пусть, пусть...

* * *

Палата белая-белая, из снегов небесных изваянная. И потолки белые, и стены, и постели, а на них — побелевшие люди, притихшие и обессиленные. Нет больше крови в них, всю отдали огню, вот и белеют в палатах как лилии. Много, много белых лилий, ими и полы усеяны, и кровати, и раскладушки.

— А где бабушка?

— Пей, деточка. — Сестра милосердия, сама белоснежнее всех лилий, дает ей запить белые таблетки белой водой. — Мама твоя в соседней палате поправляется.

— Бабушка, бабушка где?

Идет снег, несет тишину белокрылую. Бабушка там под снегом леденеет, не отыскать ее в братском сутробе. Женя беззвучно плачет, и лилии вокруг удивленно шевелятся, раскрываются.

— Не плачь, деточка, не плачь. Погоди, все образуется, — поет ей самая белоснежная лилия. — Бог милостив... Видишь, мать жива, и ты скоро на ноги встанешь ...

* * *

Вахтенный был прав насчет «Проциона». Вскоре Виктор покинул общежитие, получив место на одном старом корыте, но он и этому был безмерно рад, хоть капитан ему сразу не понравился. Ничего, решил он тогда про себя, лучше синица в руках. А журавля поймаем после.

Торговый флот и всякие специализированные суда работали на оборону по правилам мирного времени, если не были задействованы в спецоперации. Вахту отстоял и отсыпайся. А если судно у причала, то отпускали в увольнение, чтобы психика не перегружалась и люди не зверели от одних и тех же лиц и замкнутого пространства. Команда формировалась по разным признакам. Кого-то капитан приводил с собой, кого-то назначали из кадров пароходства. Ну, а не сработался с кэпом — ищи повод уйти в другую команду.

Виктор еще раз осмотрел кубрик — уютно, обжито. Ребята устроили печку, привели в порядок койки. По вечерам здесь собираются отдельными группками, и начинают рассказывать анекдоты, и вообще разводят «травлю». Это отвлекает от грустных мыслей, которых у каждого хоть отбавляй. Но особенно отвлекают девушки, которые приходят в красный уголок на танцы. Танцы начались сравнительно недавно, и слух о них разнесся моментально, так что по субботам в красный уголок было уже не протолкнуться.

Красный уголок находился на «Проционе». Когда Виктор, привлеченный звуками фокстрота и танго, спустился туда однажды, он просто обалдел от количества девушек, толпящихся там. «Откуда же столько девушек?» — недоумевал он, зная, что без пропусков в порт не пройти. Оказалось, что все они приехали на курсы радисток и живут теперь на «Проционе». После окончания учебы они будут сдавать экзамены, а затем отправятся на месячную практику, после чего станут хозяйками радио-рубок.

Ошеломленный такими сказочными переменами на «Проционе» Виктор быстро подошел к первой же девушке, не разглядывая, не выбирая, и пригласил ее на танец. Танцевала она скованно, опустив глаза, и он почти не чувствовал ее тоненькой руки, лежащей на его плече. Ему даже показалось, будто она обрадовалась, когда танец закончился, и быстро исчезла, раство-

рившись среди подруг. Ее место почти мгновенно заняла другая, полная противоположность ей, и они танцевали вместе остаток вечера. Слабые попытки Виктора откланяться в паузе и поискать других партнерш не увенчались успехом. Рыженькая Катя цепко удерживала его до последнего, а на прощание выразила надежду на то, что вскоре они увидятся вновь.

Это знакомство не вдохновило его, но девушка проявила настойчивость и несколько раз в течение недели случайно попадалась ему на глаза. Виктор уже подумывал о том, чтобы временно прекратить походы в красный уголок, как одно событие заставило его перемениить планы.

Из дневника 1942 года

Пару дней назад сюда приехала группа радисток из Баку. В тот же день со мной случился небольшой конфуз — я отморозил себе правое ухо и даже не заметил, как это произошло. Ухо приняло огромнейшие размеры и немного напоминает блин в масле. Придется мне с ним повозиться немного.

Среди радисток есть пара хорошеньких. Одна из них — черненькая, небольшого роста — мне немного понравилась. Интересно, встречается ли она с кем-то? Ну ничего, раззнакомлюсь и все выясню.

* * *

Из дневника 1942 года

Вчера окончательно разругался с капитаном и помощником. Это был коллективный разговор между ними и кубриком. В результате сражения они отступили «униженными и оскорбленными». Завтра попрошу расчет.

Ты, конечно, мог бы приструнить начальство, заручиться поддержкой кубрика, но оставаться там уже не хотел ни при каком раскладе. Нужно было двигаться дальше, ты просто физически ощущал, как тебя выталкивает из этого застоя. Еще в конце прошлого года ты записал: «Меня не оставляет вопрос о дальнейшей учебе, т.е. о дальнейшей моей судьбе. Что-то нужно предпринять, но что — пока неясно.

Оставаться матросом мне было бы очень обидно. Разве для этого я 8 лет учился в школе и потратил два года в техникуме? Но пока такое время, что об этом не приходится беспокоиться. После войны это все уладится. А при благоприятном случае это может уладиться еще и до ее окончания. Финал 1941 года».

Интуиция велела тебе искать себя в новом, а интуицию ты привык слушать, она с детства вела тебя, упреждала, подталкивала. Когда ты был совсем маленьким, тебе думалось, что это бабушка ходит за тобой, направляет, даже оглядывался по сторонам, пытаешься понять, где она прячется, но бабушки не было, а ощущение не проходило. Вот оно как бывает! Ты уже тогда усвоил, что не все доступно взору. А бабушка только молчаливо выслушивала тебя, когда ты с ней этим делился, и гладила по голове.

Эх, бабушка, бабушка! Даже на могилку не прийти... И отец... Легкое облачко набегаёт на солнце, притушив его яркость. Ты нащупываешь в кармане последнее письмо от матери, вспоминая тепло материнской руки. А может быть, и ощущая его... Как знать, где память, а где живое присутствие? На войне все обострено, все переплетено — судьбы, чувства... Нет той четкости, которой учили в школе, размыты границы явного и неявного, доброго и злого.

Сегодня у тебя назначена встреча с начальством теплохода, на который ты хотел бы перейти. Если все пойдет по плану, то перед тобой откроются новые перспективы, включая продвижение по службе и дальнейшую учебу. Но это в будущем. Пока что так далеко ты не собираешься загадывать. Загадывать вообще не стоит, и в особенности сейчас, когда каждый новый рейс может круто изменить все планы, всю жизнь. Ты-то знаешь, уже не салага...

* * *

Чутье подсказывало Виктору, что встреча с начальством закончится положительно. Ну, во-первых, у него была хорошая репутация еще со времен работы с Адамычем, а репутация в морском мире быстро распространяется по волнам, достигая слуха начальства. Во-вторых... «Во-вторых» он объяснить не мог, но знал, что оно даже сильнее, чем «во-первых».

Расстояние от кубрика до «Проциона» небольшое, но появиться-

ся нужно без опозданий, ровно в назначенное время. Раньше тоже приходиться не следует — это молодняк пусть ошивается по двадцать минут у дверей начальства. А он уже опытный, ему пунктуальность продемонстрировать нужно, так солиднее.

Улица сама ведет его к теплоходу, точно речушка, — попал в ее течение, она и несет тебя. Все хорошо, все хорошо, и на небе синь-синева, и море ласково переливается у причала, в общем — вперед и с песней.

Впереди шел, не совсем соблюдая равновесие, старый моряк. Из-под расстегнутого ворота рубахи виднелась уже порядком вылинявшая тельняшка. В правой руке он держал бидон с керосином. Добродушный легкий старик с седыми казацкими усами продвигался по синусоиде и сам себе командовал, когда курс его подходил близко к мостовой: «Лево помалу!» Он медленно сворачивал с мостовой на середину тротуара. «Так держать», — раздавалась следующая команда, но выполнить ее оказывалось чрезвычайно сложно, и сразу же слышалось «Помалу вправо». На этом курсе ему встретилась пожилая женщина. Дабы избежать столкновения, он скомандовал: «Полный назад!» — и, остановившись в опасной близости от нее, сказал:

— Пардон, мадам!

Женщине, видимо, было не до шуток, и она зло ответила:

— У, наклюкался с самого ранья, черт старый!

— С радости, мадам. Сынок Героя получил и три дня отпуска.

Причина показалась женщине уважительной, она остановилась, что-то начала говорить старику и заплакала.

* * *

Он постучал в дверь минута в минуту.

— Входите! — слышался голос капитана, и Виктор переступил порог капитанской каюты. — Ну-с, молодой человек, с чем пожаловали?

Магерам Сулейманович — тучный мужчина кавказской наружности сидел в кресле у стола, поглядывая на стоящего перед ним Виктора. Цель прихода ему была ясна, и спрашивал он для проформы. Главное — не что, а как ответит ему новенький, какое впечатление произведет. Команда — это ведь большая семья, и принимать в семью

дело весьма ответственное. В море развода не возьмешь. Если что не сложится во время рейса, весь экипаж может пострадать. А в военное время особенно важно, чтобы все было слажено.

Капитан изучает Виктора, а Виктор краем глаза оценивает обстановку в каюте: старинный английский барометр с двумя стрелками, неуклюжая подзорная труба в кожаном футляре, массивные медные лампы, наглухо привинченные к переборке над столом. Между лампами к той же переборке прикреплен маленький шлюпочный компас в кардановом подвесе⁹. Картушка¹⁰ его, по-старинному разбитая на румбы, плавает в спиртовом растворе.

Каюта облицована полированным красным деревом. Кресло, стол, просторная койка — все сработано добротнo, рассчитано на комфорт и уют хозяина в часы, когда море позволяет капитану отдохнуть.

На минуту Виктору кажется, что он перенесся на несколько веков назад во времена чайных клепперов и пиратских корветов. Прищуришь глаза и увидишь квадратного, заросшего рыжей щетиной капитана с двумя пистолетами за поясом. Вот рыжий разбойник склонился над столом, где лежит карта тропических широт и, попыхивая трубкой, размышляет об очередном рейде.

Голос капитана возвращает Виктора к действительности.

— Говоришь, на судно мое хочешь, да? — то ли спрашивает, то ли размышляет вслух капитан, машинально водя короткими плотными пальцами по карте, разложенной перед ним.

— Хочу, Магерам Сулейманович, очень хочу! — поспешно отвечает Виктор.

— Вижу, что хочешь. Ну, а прежнее чем же не устроило?

Сказал бы он, чем, да не может. Все, что скажешь о бывшем начальнике, может сыграть против тебя. Тут нужна дипломатия, такт, чтобы не получилось, что бывший — дурак, а ты умный.

— Мне дальше двигаться хочется, Магерам Сулейманович. Нужен новый опыт, новое окружение.

— Новый опыт, говоришь... Так Сергей Данилыч капитан опытный, — продолжает вкрадчиво испытывать его Магерам Сулейманович. — Слушай, зачем так торопиться? Побудь еще с ним, да? Или тебе его

⁹ Карданов подвес — универсальная шарнирная опора, позволяющая закрепленному в ней объекту вращаться одновременно в нескольких плоскостях.

¹⁰ Подвижный диск (или кольцо) из немагнитного материала в магнитном компасе.

опыта недостаточно уже? Сам опытнее капитана стал, да?

— Нет, Магерам Сулейманович, не опытнее. Опыта мне набираться и набираться. Вот только...

— Ну, что запнулся, говори, я тебя слушаю.

— Вот только хотелось бы разного опыта. У каждого капитана свой подход, своя школа. Мне интересно поучиться у вас, Магерам Сулейманович.

В прищуре капитана забрезжила улыбка.

— Говоришь, поучиться у меня... Дипломат из тебя получился бы что надо. Ладно, возьму тебя в команду. Упорный ты юноша, Виктор Борг, и правильно думаешь, не как некоторые другие. Есть такие, есть... несерьезные, мало думают. А кто за них думать будет — капитан, да? Для глупостей — большие, а думать — маленькие, да? Слыхал, небось, как матросы надебоширили?

— Так они ж поминали товарищей...

— Поминали, говоришь? А потом гранаты трофейные в воду бросали, рыбу глушили, пока одного из своих не ранили. Как дурак, мог он умереть сам от себя. А употребление спиртных напитков на судне разрешается, да?

Виктор потупился, ничего не ответив.

— То-то! Смотри мне... Чтоб никаких загулов, да? — Виктор попытался что-то сказать, но Магерам Сулейманович остановил его жестом. — Знаю, знаю... И твою историю знаю, Виктор Борг... Матери ничего не пиши о том, что с кораблем твоим произошло, да? Потом, война закончится, все потом расскажешь. Не волнуй мать.

* * *

Выйдя из кабинета, Виктор полетел к себе на всех парусах. Сбылось! Перешел-таки под командование Магерара!

В солнечном свете на бирюзовой воде бухты слепящими зайчиками искрились зеркальные блики. По бухте носились два катера-охотника и сбрасывали в воду глубинные бомбы, чтобы уничтожить спущенные вчера вечером на парашютах немецкие мины. Вода после каждого взрыва вспучивалась темной массой, доносился глухой, словно отдаленный раскат грома, звук. Иногда на месте взрыва появлялось белое пятно — это всплывала оглу-

шенная бомбой рыба.

Виктор уже подходил к своей общаге, как за кормой одного из катеров поднялся столб черной воды — взорвалась вражеская мина. Он приостановился и стал смотреть, как оседает и растворяется в лучах солнца черная вода. *Еще одна тайная смерть уничтожена*, подумалось ему.

Война присутствовала повсюду, видимая и незримая, и в этой подорванной мине, и в разрушенных зданиях, и воронках от бомб, и в замаскированной зенитной батарее, притаившейся на вершине горы. И в бесшабашном веселье матросов, уходящих завтра с десантным кораблем в опасный рейс, тоже чувствовалась война. «Пей, ребята! Все равно война!» И ребята пили. Пили за победу, пили за тех, кто еще вчера был с ними.

Ребята уходили за горизонт мальчишками, а возвращались мужчинами и воинами, чтобы, пролежав положенный срок в госпитале, вновь идти на схватку с врагом.

Помнишь встречу с Мишкой? Шел матрос в бушлате, в надраенных до флотского блеска полусапожках и вдруг:

— Витюха!

Ты остановился, не узнавая. А потом бросился к нему, и радостнее встречи этой за всю войну не было.

Мишка Одесский — соученик, которому не раз классный руководитель Моисей Израилевич записывал в дневник круглые двойки по поведению и внизу выводил красным: «Родителям явиться в школу!» А Мишку любили все в классе. И озорство его было веселое и безвредное. Сейчас Мишка казался взрослым и чужим в матросской форме, и ты любовался им и немного завидовал его бравому виду.

Он ушел в Севастополь, обещал писать, но так и не написал. Почему?

* * *

Через полчаса Виктор с собранными вещами уже мчался на новое место. Нужно было еще с товарищами попрощаться, но это уже вечером, после танцев в красном уголке. Там он намеревался во что бы то ни стало разыскать *ее*. Во что бы то ни стало.

* * *

Девушки, девушки, девушки... Красный уголок усеян, как цветами, молоденькими радистками. Танго набирает обороты. Иллюминаторы в измороси, водяная пыль разлетается по пирсу (ночной ветер усилился и швыряет на него волны), а на барке — весна. Запах цветочных духов, помады и еще чего-то, что придает воздуху особую тонкость и романтичность.

Девушки движутся в такт музыке, даже те, которые не танцуют. Виктор пытается отыскать в толпе ту, черноволосую, но на него недовольно натыкаются танцующие, и приходится огибать пары, протискиваясь сквозь тех, кто еще раздумывает, кого бы пригласить.

Изловчившись, Виктор протискивается между парочкой, которая уже сделала шаг навстречу друг другу.

— Эй, потише! Не видишь, что ли? — недовольно восклицает парень, испугавшись, что кто-то другой перехватит его девушку.

— Да вижу, вижу... Извиняй.

Он ловко проныривает у парня под рукой и направляется в другую часть зала. Парень с девушкой немедленно бросаются друг к другу и через секунду уже выделывают па.

— Ой, вы тоже здесь! — раздается за спиной Виктора.

Он оборачивается. Это его недавняя знакомая Катя.

— А, это вы... Здравствуйте, — говорит он с поддельным энтузиазмом.

— Здравствуйте! Здравствуйте... — Девушка явно смущена, но отпустить его не намерена. Ее круглые зеленоватые глаза словно впечатываются в Виктора. — А пойдёмте потанцуем, — наконец предлагает она, понимая, что пауза затянулась не в ее пользу.

— Да-да... Пойдёмте.

Он снова протискивается сквозь толпу, только уже в обратном направлении. Девушка идет чуть позади, танцующие прижимают их друг к другу все плотней, в какой-то момент разворачивая их лицами друг к другу.

— Ну, вот и встретились, — говорит она игриво, положив руку ему на плечо.

Они движутся в такт музыке почти механически, не вкладывая в это никакого смысла. Вскоре танго сменяется фокстротом, но это ничего не меняет.

— А вы живете здесь или на другом пароходе? — пытается завязать

разговор Катя.

— На другом пароходе.

— А мы живем здесь. Меня Катей зовут.

— Да, я помню.

— Очень приятно это слышать. Девушек ведь много, всех упомянуть по имени невозможно. — Она многозначительно смотрит на него.

— Действительно... невозможно...

Кто-то пытается протиснуться между ними. Он чуть отстраняется от Кати, давая пройти.

— Спасибо! — благодарит его на ходу девушка.

Он мгновенно узнает ее. Это — как удар молнии.

— Девушка! Пойдите...

Он пытается удержать ее за рукав. Она удивленно оборачивается.

— Вы меня?

— Вас, вас... Куда вы бежите?

— Я? Собственно, никуда...

Рыженькая Катя зло смотрит на них круглыми глазами.

— Танцевать будем или как? — вызывающе говорит она.

Но он не слышит вопроса и не видит, как толпа незаметно оттирает ее. А может, она сама уходит. Этого он уже никогда не узнает.

— Да не реви ты, пошли лучше со мной, — слышится где-то далеко за спиной Виктора.

Музыка, наверное, прекращается, поскольку пары начинают расходиться, освобождая пространство, но они продолжают стоять, ожидая, что кто-то заговорит первым.

— А вы вчера приехали, из Баку, — наконец говорит он.

— Да.

— Я вас видел.

Снова пауза.

— Вас как зовут?

Она называет свое имя.

— А я Виктор. Может, потанцуем?

— Танцы закончились.

— Правда, закончились, — растерянно улыбается он. — А вы спешите?

— Да нет...

— Так может, пройдемся немного по воздуху?

— Можно...

— Так я возьму ваше пальто из гардероба?

— Оно в каюте наверху.

— Хорошо, тогда я сбегая за курткой, а вы за пальто, и встретимся у входа.

Она кивает.

Он бежит в гардероб, быстро набрасывает куртку и направляется к двери. Она уже ждет его у входа в бежевом пальто. На голове у нее белый вязанный беретик со смешным снежком помпончика.

— Ну, вот и я, — говорит он, открывая перед ней дверь.

Они выходят, и соленый морской ветер захлестывает их. Она ежится, но он берет ее за руку: «Сюда, сюда!» — и они прячутся за носом барка. Снежинки кружат над фонарем и, приземляясь, сразу же растекаются по дощатому пирсу.

— Какой странный снег, — говорит она, робко вскинув глаза на Виктора.

У нее длинные темные ресницы («траурные», — почему-то отмечает он про себя) и продолговатые карие глаза с теплым отливом.

— И вечер странный, — говорит он.

— Почему странный? — Ее лицо выглядит почти прозрачным в белом свете фонаря. Лицо грустной маленькой феи.

Ему вдруг хочется взять ее лицо в ладони и держать, пока оно не отогреется, не порозовеет.

— Просто странный, и все, — машинально отвечает он. — Необычный, точнее.

— А я до сих пор не верю, что война, — говорит она. — У меня уже и нескольких подруг не стало, а все не верится.словно в кино или в книге, словно не со мной. — Она поднимает глаза и смотрит на небо. — Вот и небо то же, и море, и зима, и люди, а время другое.

— Да, время другое.

— Интересно, как нас будут представлять те, кто будут после?

— Наверное, героями...

— Наверное... А я вот никакая не героиня. Я самая настоящая трусиха и больше всего боюсь тараканов.

— Ну, тараканы! Это ж мелочи... Они тихие, не кусаются и от света бегут.

— Нет, они страшные, непонятные. Вот их нет — и уже через минуту появляются прямо на самом видном месте.словно ходы какие-то в пространстве знают... Я даже слова этого боюсь — «таракан»...

Он смеется.

— И впрямь трусиха!

Синие лучи быстро обыскивают небо.

— Мне пора, — говорит она.

— Я провожу, можно?

— Конечно, можно...

Какое-то время они идут молча, словно молчание восполняет недосказанное.

— А я завтра перевожусь на новое судно, — наконец говорит Виктор.

— Поздравляю... А когда в рейс?

— Спасибо! Скоро, наверно. Нужно еще с ребятами попрощаться сегодня. А то переехал — даже «до свидания» никому не сказал. Жаль, конечно, привыкли мы друг к другу, уже почти как одна семья...

— Семья... это хорошо, — кивает она. — Моя семья давно разлетелась.

— Как — разлетелась?

— Как чашка — бах! — и только осколки... Отец был моложе мамы, а как я родилась, бросил нас и ушел к другой. У меня два сводных брата, да только мы не дружим. Мама больна, ноги у нее... Еле ходит... — Ее голос дрогнул.

— Не плачь, не плачь, все должно быть хорошо.

— Да что ты, не плачу я. — Она слегка улыбается, оттого, что они так естественно перешли на «ты». — А твои? Что с ними?

— Отец погиб, бабушка умерла от сыпняка в эвакуации. Осталась мама и сестра младшая. В Одессе они...

— Счастливый, родная сестра...

— Любимая притом. Вот закончится война, я тебя с ней познакомлю.

— Правда? — Ее лицо лучится изнутри.

— Правда. Если захочешь, конечно.

— Посмотрим, — вдруг тихо говорит она. — До окончания войны еще дожить надо.

— Доживем, обязательно доживем! Должны дожить.

Пока они идут, снег прекращается, и звезды выходят из своего укрытия.

Они разглядывают звезды, словно проверяя, все ли целы.

— Как город в огнях, — говорит Л., задрав голову. — Я помню, мы с мамой часто смотрели фильм «Огни большого города». Она его очень любит. И всегда плакала, хотя знала каждый кадр наизусть. Моя мама удивительная. Все трудности всегда переносит с улыбкой. И меня научила быть стойкой и терпеливой. А вот на этом фильме...

Мы ревели, как маленькие...

Она сидела спиной к нему, все еще глядя в небо, и он вдруг ощутил подбородком детское тепло ее макушки. Никогда и ни к кому не испытывал он подобной нежности. Сколько знакомых девушек у него было — выбирай любую, а только с ней одной и сроднился внезапно.

— И как люди могут так легко расставаться? — вдруг вырывается у него. — Ну, понимаю, война. Она не церемонится, раскидывает всех по разным уголкам. И все только и мечтают, чтобы снова встретиться, только и ждут, чтобы сесть вместе за стол. А в мирное время? Так бомбят друг друга, что хуже всякой войны. Я семью свою любить буду. И беречь! Не допущу войны в своем доме.

— Значит, твоя жена будет самой счастливой женщиной на свете...

— Я хочу, чтобы *ты* была самой счастливой женщиной на свете, — неожиданно произносит он.

— Смотри, — говорит она, кивая на окруженные влажным свечением их отражения в ночной воде. — Как ангелы...

— Да. Ни войны у них там, ни потерь...

* * *

Из дневника 1942 года

Вот я уже на другом пароходе, то есть, извиняюсь, теплоходе. С утра заскочил проведать Л., а вечером мы с ней встретились опять. Я окончательно в нее влюбился, и если придется с ней расстаться, то мне будет очень тяжело.

Он лежал и вспоминал эту последнюю встречу, по многу раз проигрывая в уме каждое слово, взгляд, касание.

Под утро сон сморил его. Ему ничего не снилось, будто его выключили и на какое-то время он перестал существовать. Но это длилось недолго. Его разбудил вахтенный, сообщив, что их отправляют в Камыш-Бурун.

* * *

Теплоход «Анатолий Серов», на котором они отправились, славился

своими подвигами. Этот небольшой рудовоз, вмещавший всего лишь 4880 тонн, был построен еще до войны и назывался «Коллективизация». В 1939 году он был переименован в честь погибшего в том же году военного летчика Анатолия Константиновича Серова, Героя Советского Союза, мастера высшего пилотажа, воевавшего в Испании против франкистов под именем Родриго Матео. Ему принадлежала идея ночного воздушного боя.

Отважный дух Серова определял атмосферу корабля. С первых дней войны теплоход стал участвовать в боях и, кроме того, выполнял много других важных заданий по вывозке в тыл железнодорожного транспорта и оборудования с одесских предприятий. На нем доставлялось в Одессу все необходимое для защиты города, эвакуировались раненные и жители. Далекую не второстепенную роль играл «Серов» и в Керченско-Феодосийском десанте и регулярно совершал рейсы в Новороссийск и Камыш-Бурун.

Из дневника 1942 года

Утром я ушел на судно. Нас отправили в Камыш-Бурун. Мы простились у парохода, когда еще шла погрузка. В предстартовой суете прощание не казалось тяжелым, и только на следующее утро пришло осознание того, что ее нет со мной. Больше всего на свете мне хотелось ее увидеть, хоть на несколько минут! И тогда я сел у столика и начал чертить что-то карандашом. Совершенно машинально рука моя выводила букву «Л»...

Ну, прямо сюжет для сентиментального романа! С той лишь разницей, что пока он вычерчивал свою букву, фашистские авиаторы вычерчивали свои смертоносные петли над кораблем. На порт Камыш-Бурун осуществлялись постоянные воздушные налеты. 18-го января немцы повторно заняли Феодосию и наносили сильнейшие удары по судам, которые снабжали войска через Камыш-Бурун и Керчь. «Серов» вез очередное снабжение.

Когда именно его судно было отправлено в Камыш-Бурун, неизвестно. Все его военные записи датированы только годом, с редким упоминанием времени года. Дни и месяцы выводятся уже опосредованно, что придает некую вневременность повествованию. Вести дневник или вообще делать какие-либо фронтовые записи запрещалось, поскольку попав в руки к врагу, они могли

стать источником информации. Тот, кто вел дневник во время войны, серьезно рисковал. Его могли обвинить в шпионаже и даже расстрелять.

Знал ли об этом 18-летний курсант? Из записи можно сделать вывод лишь о том, что он был влюблен впервые и по-настоящему. У него вообще все было по-настоящему — с юности не признавал никаких суррогатных отношений, никаких подобий любви или дружбы. Ошибиться — да, но не играть с чувствами. Еще до встречи с Л., в конце 1941-го он познакомился на танцах с Ш.

Ш. — невысокого роста, быстрая и хорошенькая, к тому же отлично танцует. Иногда после танцев или прогулок я провожал ее домой, и у дома мы садились на скамеечке и болтали о всякой всячине. В один из таких вечеров мы пошли в турецкий сад и взобрались немного выше — в лес. Там она призналась мне в любви. Мне стало неловко, поскольку я не испытывал к ней никаких чувств, и, отшучиваясь, я замял этот разговор. Многие парни хотели бы встречаться с Ш. Для меня же она была только приятной собеседницей и хорошим партнером в танцах. В дальнейшем она поняла это. Мы с ней еще до сих пор дружим, хотя она и встречается теперь с другим. Точка и Ш.

Чувство юмора никогда не изменяло ему. И девчонки его уважали. За глаза называли «красавчиком», сравнивали с каким-то голливудским актером, но при этом знали, что морочить голову девушке он не станет, не воспользуется ее слабостью. И не обманет.

Как ни смешно это звучит, но единственное, что зашифровывал отец в своем военном дневнике, помимо дат, это имена девушек, словно они и были той самой большой государственной тайной, которую нельзя открывать врагу.

* * *

Итак, пока корабль двигался в направлении Камыш-Буруна, Виктор, воспользовавшись ранним часом, сидел у стола, выводя на листке начальную букву имени своей возлюбленной. Вслед за этим начали рождаться первые строчки, посвященные ей.

*Я помню вечер временной разлуки.
Шептали оба нежные слова,
Потом пожали мы друг другу руки,
И я ушел, пока не навсегда.*

Пока не навсегда... В этом «пока» — грустный опыт военного времени. Смени контекст, и все будет выглядеть легковесно. Пришел, ушел... А к кому? К другой, конечно. Любовный треугольник налицо. Это в моем времени, это я бы так прочла, если б не знала, на каких страницах рождались эти строки. А он ушел не к кому, а куда, и это «куда» было заминировано, как все, что на войне. Но откуда же он знал, что вернется, что это еще «не навсегда»?

Он думал, что пишет стихи, а на самом деле писал судьбу, их судьбу, словно оказавшись на волне предвидения. История о разлуке с последующей встречей, которая в тот момент рождалась из-под его неопытного пера, на самом деле, еще не произошла — она только вызревала, как чей-то замысел, медленно разворачивающийся во времени.

*И снова встретились.
Я прилетел на крыльях
Увидеть милую,
услышать милый глас,
Но показалось мне,
что ты уж все забыла,
Что эта ночь разъединяет нас...*

*Но нет, клянусь, тебя я не забуду –
И как забыть мне милую любовь?
Я наши встречи вечно помнить буду
И взгляды нежные, понятные без слов.*

Как страшно и как точно совместятся контуры этого сюжета с тем, что произойдет в дальнейшем! Здесь и ночь не разлучает, а «разъединяет», и клятва «вечно помнить» звучит почти как реквием...

Осознает ли он однажды, спустя годы, что писал в тот час под диктовку судьбы?

Пока он об этом не думал, он был во власти предчувствий, которые

водили его пером. Закончив, он лишь попытался оценить написанное: *«В смысле литературы эти стихи не представляют никакого интереса, но интересно то, что я в первый раз, можно сказать, нечаянно высказал свои мысли в стихотворной форме».*

«Прозрения, а не просто мысли», — хотелось мне поправить его, но я не смею вмешиваться, не смею править его страницы, не смею накладывать свой почерк поверх его...

Так или иначе, его корабль движется в опасных водах, а он, уже однажды ощутивший дыхание смерти, вслушивается в будущее. У людей оно свое, у кораблей — свое, но в море они едины, и душа корабля становится душой экипажа.

Раннее утро, тишина, всплеск волны за бортом, полутемная каюта... Будто и нет войны. Где-то ее действительно нет. Через много лет ее не будет и здесь... А пока она — везде, и в будущем отца. Когда летом фронт почти вплотную приблизится к Новороссийску, «Серову» выпадут особо тяжелые испытания. 12 августа на него будет сброшено свыше 100 бомб в открытом море, и только одна из них окажется роковой. Она пробьет кормовой трюм, и будет отдан приказ военного командования затопить судно, чтобы врагу не достались сотни боеприпасов. И тогда экипаж встанет на защиту судна, на этот раз — от своих.

— Взрывайте вместе с нами, — ответят серовцы на приказ Ставки верховного главнокомандования. — Судна мы не покинем.

Ставке придется отступить, а капитан и помполит разработают план действий по спасению корабля, посадив его предварительно на мель. Будет решено перебраться с экипажем на берег и днем маскироваться в лесной чаще, а по ночам ремонтировать судно. Через восемь суток «Серов» будет отремонтирован, а 20 августа 1942 года снят с мели и отправлен в Поти для дальнейших действий.

Но у него в дневнике пока что затишье, и я застряла на этой странице, на этом обманном покое и неведении. Вот он переворачивает исписанную страницу, и ему открывается безбрежная равнина, белоснежная, еще нетронутая пером. Интересно, что будет вписано в нее, какие пути-дороги? Да и будет ли?

Он захлопывает тетрадь, и на время исчезает в туманности моря, растворяясь вместе с кораблем, войной и девушкой Л.

* * *

Это снова я. Пространство линейно — время циклично, поэтому в него можно вернуться в каждой точке пространства, как это делаю я, вдали от тех мест, но вблизи этих дат в его дневнике. В этом метафизическом поле накладываются друг на друга наш опыт и память.

Сегодня он должен был уже вернуться из рейса, предвкушая встречу с Л. Как она произошла? Передо мной его дневники, но в них ни слова о сокровенном. Все сжато, кратко, информативно просто. О подтексте приходится только догадываться. О самом рейсе тоже ни слова. Значит, все прошло благополучно.

Хорошо, пусть так: Л. была допоздна на занятиях, они кратко обнялись при встрече, и он оставил все разговоры на завтра.

Завтра он непременно вытянет ее на прогулку перед сном, а то она почти истаяла над своими конспектами. Она обрадуется, они пойдут к морю, будут смотреть, как светятся огоньки кораблей.

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Из дневника 1942 года

Уже почти месяц, как мы встречаемся с Л.

Сегодня зашел на «дуб»¹¹, поведать своих, поболтать с кубриком, пока выдалась минутка. Лучше б не делал этого! Ребят, с которыми дружу, все равно не было. Я покрутился, хотел было уйти, как меня окликнул один из тех, кто был занят покраской судна.

— А, Витюха! В гости на наше дырявое корыто пожаловал? Ну, проходи! — Веснушчатый белобрысый Санек многозначительно ухмыляется.

— Здорово, Санек!

— Здорово, здорово... Чем обязаны? Соскучился по кубику? — Санек осклабился, выставив щербатые зубы.

— Да есть немного, хоть скучать некогда... Как ребята?

— Да кто как. Твои работают до вечера. А мы вот красим коробку. Боц-

¹¹Слэнг того времени — небольшой парусник, барк.

ман чернил притащил, покоя не дает. Сенька палубу драит... Н, а ты что?

— Да ничего, сейчас в отгуле. А так — работаю. — Не хотелось ему с Саньком откровенничать.

— Ну-ну, работай, работай, да только не зарабатывайся.

— А что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего. За девчонкой своей присматривай получше, а то она тут по кубрикам вечерами греется...

— Что? А ну повтори, что ты сказал?

— Да ты брось петушиться-то. Сенька, подь сюда! — подозвал он своего дружка, сбегавшего вниз по трапу.

— Ну, чего тебе? А, Виктор! Здоров! Как жизнь на новом месте?

— На новом месте приснишь жених невесте, — хмыкнул Санек. — Я тут ему за девчонкой его советую приглядывать.

— А-а, — Сенька протягивает, прищуриваясь. — Ну да, ну да, за девчонкой нужен глаз да глаз... А то снова к нам переводись!

Оба хватаются за бока.

— Вы мне дело говорите, не паясничайте, — угрюмо подступился к ним Виктор. — Заметили что?

— Заметили, заметили, — кивнул Санек. — Имеющий глаза да заметит. — Он подмигнул Сеньке и оба расхохотались.

— Глянь, Санек, легка на помине! — Сенька кивнул на приближающуюся фигурку Л. и тут же улетучился.

— Ну, ладно, некогда мне тут с вами разбираться, дел по горло, — пробормотал Санек и тоже исчез вслед за дружком.

Виктор быстро сошел на пирс.

Она увидела его и замахала ему издали, радостно ускорив шаг. Он молча отвернулся, облокотившись на перила, и уставился на воду.

Она торопливо подошла нему и тронула его за плечо:

— Вить, ты что? Случилось что? Письмо получил от родных?

Он резко отбросил ее руку, продолжая смотреть на воду.

— Ну, знаешь... — Она хотела было уйти, но он повернулся к ней.

— Что «знаешь»? — почти выкрикнул он. — Я-то знаю, а вот ты... —

У него перехватило горло от внезапно нахлынувшей ярости.

— Я? Что я? Что ты имеешь в виду?

— Сама знаешь!

— Не знаю. Скажи — буду знать.

С трудом подбирая слова, чтобы гнев не разыгрался еще пуще, он

отрывисто поведал ей то, что услышал от товарищей.

— Вот как,— только и сказала она.— Ну, раз такое дело, то больше меня не ищи и подходить ко мне не пытайся.

Он смотрел, как она удалялась, хотел что-то крикнуть ей вслед, что-то злое, ужасное, но вдруг гнев отхлынул, и он ощутил жгучий стыд.

— Боже мой, что я наделал,— пробормотал он, срываясь с места. Вслед ему неся хохот Санька с Сенькой.

Он догнал ее у поворота.

— Постой, ну постой же...— Он схватил ее за рукав пальто и решительно повернул к себе.— Я... я...— Слов так и не нашлось, и он порывисто обнял ее, прижав к себе, чтобы она не вырвалась.

— Ну, как ты мог! Как ты мог!— восклицала она, сопротивляясь. Беретик съехал на затылок, и помпончик возмущенно раскачивался при каждой новой попытке вырваться.

— Да я и сам не знаю... Прости... Простишь?

— Ты ведь знаешь Санька, он же с любым шутку сыграет — глазом не моргнет. И Сенька туда же... Ну, а ты, ты... Ты ведь говорил, что войны в своем доме не потерпишь! А сам при первом же...

Помпончик гневно затрясся.

— Ну, дурак, дурак... Стой, не уходи...

Она прерывисто полувздохнула-полувсхлипнула и зарылась лицом в его шинель. Он стоял, боясь шевельнуться, и только придерживал подбородком трепыхающийся заячий хвостик.

— Ты когда отвернулся,— тихо сказала она, дыша в шинель,— мне показалось, что земля стала в обратную сторону вращаться. Это было еще пострашнее бомбежки.

— Это моя голова стала в обратную сторону вращаться...— выдавил он из себя.

Через секунду оба уже хохотали навзрыд, распугивая собравшихся неподалеку чаек.

Потом они гуляли по городу, вдыхая полужимнюю мартовскую свежесть. Он захотел прижаться щекой к ее щеке, но она стыдливо отстранилась, глядя по сторонам.

— Не нужно... На нас смотрят...

— Ну, и пускай! А если мы женаты?

— Но мы не женаты...

— В моем сердце мы женаты. Что нового прибавит бумажка к нашим отношениям?

- Не знаю... Может, и ничего, а может, и прибавит.
 - Например?
 - Например... Ты ведь хочешь дослужиться до капитана?
 - Ну, хочу.
 - А зачем?
 - Ну, чтобы управлять кораблем, быть за него в ответе.
 - Вот именно.
 - Понял. Значит, бумажка и на семейном корабле нужна. — Он лукаво улыбнулся. — Только вот...
 - Что?
 - Двух капитанов на одном корабле не бывает.
 - Ну, есть помощник капитана...
 - Во-во! Так кто же из нас будет помощником?
- Наконец, и она улыбнулась.

Потом они вместе обедали в столовой команды на «Проционе», и Л. и она была молчалива, да и ему не очень хотелось говорить. Молчание всегда было минутами их самой глубокой близости.

Вечером Виктор проводил Л. до общежития, и, когда они уже попрощались, вдруг сказал ей вслед:

- Я люблю тебя.

Она медленно обернулась. Уличный фонарь освещал ее слегка удивленное лицо. «Как тогда», — мелькнуло у него в памяти о самой первой прогулке после танцев в красном уголке. А она продолжала растерянно смотреть на него, не понимая, почему он выбрал именно этот вечер и эту минуту, когда она почти уходила, чтобы впервые сказать ей это.

Если бы она спросила его тогда, он вряд ли сумел бы ей объяснить. Но она не спросила, и он вдруг резко повернулся и, не сказав больше ни слова, зашагал по направлению к своему кораблю.

Всю ночь ему снились тревожные сны о том, что она уезжает и он не успевает с ней попрощаться. Он проснулся еще до рассвета, словно кто-то растормошил его, и некоторое время лежал в темноте в странном оцепенении — ничего не ощущая и ни о чем не думая.

ЧЕРТОВА КЕРЧЬ

Утром весь экипаж был вызван командованием на собрание. По

опыту службы, это ничего доброго не предвещало.

— Небось, на Золотые Пески хотят отправить, — угрюмо пошутил Митяй, дюжий хлопец из Днепропетровска.

— Ну и нехай¹²! — махнул рукой Петро, укладывая вещи на всякий случай.

Виктор ушел из общежития на полчаса раньше, чтобы повидаться с Л. Кто знает, что у начальства на уме?

Он застал ее, когда она была уже на выходе.

— Витя! Что ты тут делаешь? — В ее продолговатых глазах мелькнул испуг.

Виктор замялся.

— Да так... Хотел увидеться и попрощаться, в случае чего...

— В случае чего именно?

Беретик резко съехал на затылок, но она быстро надвинула его на лоб, ожидая объяснения.

— Да я и сам не знаю, чего... Может, и ничего... — Он попытался улыбнуться. — В общем, так — нас вызывают на собрание... Срочно. Весь экипаж. Скорее всего, будем отчаливать.

— Отчаливать... Куда? — Она слегка побледнела, и голос ее стал совсем тихим.

— Ничего не известно.

— А как же быть? — Она по-детски чуть приоткрыла рот, совсем растерявшись.

На войне нужно быть готовым к разлуке. Сколько раз он говорил себе это! И, казалось бы, усвоил... умом. А как только угроза разлуки становится реальной, то все эти правила военного времени терпят фиаско.

— Ладно. Мне нужно бежать, — пробормотал он, взглянув на часы. — А то еще дезертиром сочтут и в тюрьму посадят.

Она жалко улыбнулась его полушутке, не зная, что еще сказать.

— Ну, все, будь! — Он наклонился и быстро поцеловал ее. — Может, все еще обойдется.

* * *

На корабле все были в сборе. Виктор едва успел занять место у стола,

¹² Ну и пусть! (укр.)

как вошло начальство вместе с капитаном.

— Значит так, — кратко сказал Магерам Сулейманович, — через полчаса отбываем в Керчь. На сборы пятнадцать минут.

Известие встретили полным молчанием. Все прекрасно знали о положении в Керчи — это была горячая точка. 28 января Кавказский фронт был переименован в Крымский, и войска пытались прорвать вражескую оборону при поддержке Черноморского флота. Уже две попытки были совершены, и в результате наступательных боев части 51-й армии потеснили фашистов на 12 км, а 44-й — на 5. В результате февральского наступления войск Крымского фронта 18-я пехотная дивизия противника потеряла более половины своего состава и почти всю артиллерию. Были также разгромлены еще три вражеских полка.

В начале апреля планировалось провести третье наступление. Их отправляли в самую гущу боев.

Капитан вышел из каюты. За ним последовали остальные. Петро незаметно перекрестился.

Корабль быстро загружался боеприпасами и военной техникой. Вскоре были подняты пары в котлах, раздался характерный звук продуваемого котла. Голос штурмана в переговорной трубке приказал поставить точное время. Боцман отсоединил телефонный кабель и убрал из-под трапа грузовую сетку.

— Машина готова! — доложил вахтенный механик по телефону.

Ему вторил третий помощник, сообщая, что карты и навигационные приборы подготовлены к переходу. И после того, как вахтенный штурман сообщил старпому о том, что экипаж на борту, прозвучал доклад о готовности сниматься.

Дробный звон сигнальных звонков, последовавший сразу за приказом капитана приготовиться к съемке, призвал команду на аврал, и вскоре корабль отчалил.

* * *

Поначалу плыли в полном молчании, боясь вспугнуть судьбу.

Мягко плескались волны, отстукивая сердечный ритм моря. Постепенно наступило оживление; то тут, то там раздавались краткие реплики, а за ними и шутки.

Некоторые матросы грелись у теплой трубы прямо на шлюпочной палубе. Орудийные стволы напряженно целились в небо из закрытых трюмов, и возле них выстроились ящики со снарядами.

Виктор стоял на полубаке и глядел на удаляющуюся береговую черту. Удастся ли свидеться вновь?

Постепенно стемнело, тихий вечер мерно покрывал фиолетовой рябью поверхность воды. Неожиданно поднялся ветер и все нарастал, швыряя судно и всячески препятствуя его продвижению.

Пробыв ещё какое-то время в болтанке, начали сворачивать к пристани и вскоре стали на якорь.

Из дневника 1942 года

На море сильный ветер от NO, и мы стали на якорь из Кабардинки. В каюте тепло, и никого кроме меня нет. Воспользовавшись этим, я продолжаю записывать всякую ерунду в мою терпеливую тетрадь. Как приятно лежать в это время в теплой каюте, читать газету или какую-нибудь книжонку под свист ветра, под равномерное покачивание судна, стоящего на якорю!

Скоро наступит весна. Ещё месяц-полтора, и распустятся почки на деревьях, и зацветут цветы.

О весне пишется уже в полудреме. Люльку корабля покачивает, ветер убаюкивает...

Кабардинка находилась ровно посередине между Новороссийском и Геленджиком. Виктор любил этот городок, знал его историю. Карбардинка была основана еще при императрице Марии Александровне и поначалу называлась Александрийским фортом. А позже форт переименовали в Кабардинский по имени полка, стоявшего там. Много славных историй было связано с этим местом. На строительстве форта работал сосланный туда после сибирской каторги поэт-декабрист Александр Бестужев-Марлинский. Свое звание унтер-офицера он получил по завершении строительства.

История плывет перед глазами, из нее ткуются краткие сны вблизи линии фронта, в 20-ти км от позиций противника. Мирно в каюте, а на берегу, сразу за Кабардинкой, в направлении Новороссийска дежурит бессменная батарея капитана Зубкова. Ее корабельные орудия контролируют всю акваторию Цемесской бухты, не подпуская врага,

не давая ему возможности использовать причалы. Батарейю бомбят с воздуха, обстреливают с суши и с моря, но она выдерживает огненный шквал, оставаясь рубежом, который врагу так и не удастся взять.

Виктор слышал краем уха, что поддержать боевой дух батареи приезжали такие знаменитости, как Аркадий Райкин и Рина Зеленая. Даже ансамбль песни и пляски Черноморского флота наведывался туда!

Пока все это витало в памяти, море немного приутихло, корабль снялся с якоря и отчалил в Керчь.

* * *

По мере приближения к Керчи стали заметны отдаленные всполохи сигнальных ракет — знак того, что судно уже недалеко от сражающегося города.

Вскоре появились очертания порта.

Машина начала затихать, сбросили якорь, становясь на рейд. Вокруг простиралось темнеющее море. Поблизости не было ни единого корабля.

— Похоже, мы тут одни, — озадаченно произнес Евсей, невысокий паренек лет двадцати.

Митяй только присвистнул. Вновь воцарилась тишина, как при отплытии.

На палубу спустился старпом Никитич. Все вопросительно глянули на него.

— Стоять будем здесь, на внешнем рейде, — ответил он на немой вопрос команды.

— Как здесь? Без прикрытия? Прямо на виду у фрицев? — послышались встревоженные голоса матросов.

— Да они что, пушечное мясо из нас собираются сделать? — возмутился Митяй.

На мостике появился капитан. Все притихли.

Вдалеке послышался рев приближающихся самолетов.

— Орудия к бою! — скомандовал капитан.

* * *

Снаряды вонзались в тело моря, рвали его артерии. Брызги со-

ленной морской крови обдавали одежды и лица моряков, вокруг неистово свистели пролетающие мимо снаряды. Корабль находился в эпицентре взрывов.

По ним били нещадно, и порой казалось, что фрицы собираются израсходовать все боеприпасы Великого Рейха на этот единственный корабль.

— Лешка, сюда, сюда! — кричал лейтенант маленькому худенькому матросу, который, казалось, потерял ориентир от страха.

«Необстрелянный!» — мелькнуло в голове у Виктора. В этот момент он брал на мушку очередного фрица. Вращая рукоятки наводки, он тщательно прицелился и...

— Получай, гад! Получай!

Самолет дал крен, и густая полоса дыма потянулась за ним из хвоста.

— Молодец, Виктор! — крикнул лейтенант.

— Бей их, бей! — в запале прокричал Лешка, дрожа всем телом, словно его бил озноб.

Между тем, их собственные боеприпасы заканчивались. Они по-прежнему были единственным судном на подступах к Керчи.

— Ныхто нам на допомогу нэ прыйдэ¹³, — угрюмо пробормотал Петро, перезаряжая оружие.

Словно в подтверждение его догадки раздался голос командира:

— Огонь вести экономно!

Это означало, что снаряды на исходе и других не будет.

— Твою мать, — сплюнул Генка по кличке Шрам. — Они нас тут в расход хотят пустить вместе с кораблем!

— Ну, нет! Голыми руками не возьмешь, падла! — взревел Митяй, налегая на пушку всей грудью. — Не для того я в живых остался, чтоб... — Он не договорил, дав мощный залп по противнику.

* * *

Из дневника 1942 года

Снова начались дни, которые я испытывал в ноябре в немного больших масштабах...

Эта чертова Керчь, наверное, никогда не изгладится из памяти. Нет дня, чтобы не было налетов. Ежедневно налетают по 4–5 раз в день группами от 4 до 12 самолетов. Уже скоро кончатся снаря-

¹³ Никто на помощь к нам не придет. (укр.)

ды для наших пушек, хотя мы начали вести огонь экономно. В это время отпадает всякое желание работать. Уже дней десять как я не брился, не снимаю даже рабочей рубы до самого сна. Вчера вечером был массовый налет. Мы стояли (уже четвертые сутки!) на внешнем рейде. Весь Керченский канал был освещен прожекторами и взрывами снарядов. В воздухе стоял сплошной вой от осколков, свистящих и рвущихся бомб. Мы были в центре этого содома. В ста пятидесяти метрах упали и разорвались в воде три бомбы, которые легли параллельно правому борту. Они, вероятно, предназначались для нас.

Вчера на моих глазах сбили один самолет. Лейтенант сказал, что в этот день сбили еще одного фрица. Два летчика спустились на парашютах. Сегодня наш «ишак» (так называют у нас И-16) сбил тоже одного двухмоторного бомбардировщика.

Несмотря ни на что, ни на какие бомбардировки, я все время вспоминаю о моей любимой, славной девчурке. Она мне часто снится. Мы не виделись уже целых двенадцать дней. Для меня это вечность.

Несмотря на туман, прилетел фриц, и я вынужден временно прекратить свою писанину.

* * *

Из дневника 1942 года

Сегодня прилетело двенадцать фрицев. Я побежал на бак к пушке. Там кроме командира никого не было, и мы начали обстрел вдвоем. Мне показалось, что один из наших снарядов попал в крыло фрицу, но он почему-то продолжал лететь дальше. Во всяком случае, мы его подбили. Через некоторое время с другой стороны тоже прилетели самолеты. Очень много бомб они сбросили на город, на приморскую часть.

Я не понимаю, из каких соображений держат судно, груженное боезапасом, на виду у всех на внешнем рейде более десяти суток? Но мы — маленькие люди и нам «не должно сметь свое суждение иметь», хотя больше всех достается нам.

А действительно — из каких соображений держали корабль на внешнем рейде? Было ли это отвлекающим маневром или просто

недосмотром высшего командования? Многое в то время происходило по недосмотру. Вся Керченская катастрофа 1942 года была результатом трагических ошибок и «неожиданным и неоправданным», по мнению историков, прорывом нашего фронта с последующей сдачей Керчи и всего полуострова. Возможно, и корабль, оставленный без прикрытия на внешнем рейде, тоже был одной из таких ошибок. Этого уже не узнать. Доподлинно известно лишь одно — невзирая на высокую вероятность попадания, ни один снаряд не коснулся судна.

Из дневника 1942 года

Мужество — это не отсутствие страха, мужество — это отчетливое представление об опасности, о риске, быть может, угрожающем жизни, и сознательное подавление в себе животного чувства страха.

* * *

Черный крест, как заговоренный, маневрировал между снарядами, сбрасывая боеголовки одну за другой. Но они не достигали цели, не смотря на то, что мишень была как на ладони.

Дьявольский азарт овладел черным крестом, пикирующим на жерла орудий.

— Сука! Смотри что вытворяет, — услышал Виктор позади себя голос Митяя.

Его гнев передался и Виктору. Он вдруг отчетливо представил себе, как этот самый черный крест завтра появляется над кораблем Л... Ах, ты ж! Он остервенело завращал рукоятками наводки. Черный крест ухмыльнулся, на минуту повиснув в воздухе, словно говоря: «Вот он, я, бери, если можешь! Ну что, слабо?» — и стал петлять, пытаясь сбить наводку.

— Не уйдешь, — сквозь зубы проговорил Виктор, давая залп по самолету.

Черный крест удивленно покачнулся и вдруг на бешеной скорости начал приближаться к воде носом вниз.

Неужели попал? Виктор оторвался от окуляра. Натужено рыкнув, чудище стремительно полетело на дно морское.

* * *

На время их оставляют в покое, видимо, фрицы нуждаются в отдыхе.

Тишина, едва перекатывающиеся волны вводят в сомнамбулический ритм. Впервые за несколько суток Виктор засыпает.

Ему снится Лукоморье. Оно немного похоже на Глухов, каким тот виделся ему в детстве — светлым, с солнечными бликами на куполах Михайловской надвратной церкви, поразившей его детское воображение. Не церковь, а какой-то сказочный дворец! И полдневная прохлада за стенами Глуховского Петропавловского монастыря снится, и Павловское озеро, окруженное тайной густых деревьев и пахучих трав. Таинственный лес его детства...

Таинственный лес моего детства...

Я один в лесу. Птичьи голоса несутся со всех сторон, на опушке стрекочут кузнечики, промелькнет и скроется в траве зеленая ящерица, воздух опьяняет и наполняет каждую клеточку радостью. Не чувствуешь никакого одиночества. Здесь все мое и слито со мной. И это жаркое солнце, и высоченные разлапистые ели, и березки (сколько о них писалось и с чем только их не сравнивали!) — все, все это частица моей души. И я смотрю на это с восторгом и удивлением.

А под слоем прошлогодней хвои и листвы копошатся букашки, идет своя жизнь, и кажется, что там скрыто какое-то чудо, тайна. А душа старого леса говорит о подвигах былинных богатырей, о многих и многом, уже ставшем прошлым, и о тех, чья жизнь еще впереди, кто также будет чувствовать всю прелесть и красоту, и бесконечность жизни.

Когда тебя отсекают от мира и будущее в любой момент грозит разлететься вдребезги, о чем можно думать, кроме спасения, кроме чуда уцелеть? В кратких передышках, находясь между сушей и небом, слушая разбойничий свист смерти, он мысленно возвращался в детство, словно оно и было тем спасательным кругом, удерживавшим на гребне свихнувшегося времени.

В Керчи, под обстрелами вспоминает он поименно друзей детства. Вспоминает малейшие детали их внешности, их пристрастия, таланты.

Из дневника 1942 года

Я помню, как в нашем большом, залитом асфальтом дворе собирались мы теплыми летними вечерами и болтали обо всем. Тут были и анекдоты, и Шерлок Холмс, и Нат Пинкертон с их ужасными и увлекательными приключениями.

Особенно в рассказах отличался Михаил Тернов, мой друг, с которым я дружил более семи лет. Он был высокого роста, немного сутулый и уже в очках от бесконечного чтения книг, которые он читал запоем.

Интересно рассказывал анекдоты Володя Брейман, мой сосед, одноклассник, паренек среднего роста, плечистый. Он очень увлекался рисованием, и все рисунки нашей стенгазеты были сделаны им.

Вовка Коваленко был не прочь подшутить над девушками, веселый паренек, любитель футбола тоже часто рассказывал, но рассказы его были из реальной жизни, и он им часто придавал юмористический оттенок.

Два брата — Адольф и Эмиль — здорово отличались друг от друга. Эмиль был серьезным, хорошим пареньком, часто любил играть в шахматы, домино и волейбол, а Адольф — наоборот — замкнутый, хмурый, его во дворе почему-то недолюбливали.

Много было в нашем дворе ребят и девочек (двор имел двадцать четыре квартиры), но это были основные, костяк двора. Приятно иногда вспомнить, что было хорошего совсем недавно!

Эти дни уже не вернутся, и я не жалею об этом. Сейчас другие дни, и если мне удастся их пережить, то тогда будет мне о чем вспомнить.

Не знаю, писал ли кто-то что-то подобное под обстрелом и дожил ли кто-нибудь из этих ребят до победы. Но точно знаю, что все они были живы в тот момент, когда память его возрождала их на этой странице.

* * *

Из дневника 1942 года

Мы стоим на рейде. Уже двадцатые сутки, как мы вышли из Новороссийска и, признаться, до того надоело стоять тут, что

пешком бы пошел, кажется... куда-нибудь подальше от этой Керчи.

Дней пять фриц не летал над нами, и мы за это время немного отдохнули. Погода стояла преимущественно хорошая, солнечная. Мы начали красить свой теплоход. Изредка солнце сменялось туманами, которые шли из Азовского моря, и тогда все были уверены, что фриц не прилетит. За это время мы в Керчи достали байдарку и покрасили ее. Скоро сделаем весло и будем кататься, если условия позволят.

Все эти невзгоды ерунда, это проза — поэзия еще впереди.

Он был прав. По свидетельству историков, из всей 2500-летней истории города самым драматичным был кровавый 1942-й год. «Керченская катастрофа 1942» — так называется книга В. В. Абрамова. Речь в ней идет о майской катастрофе — о событиях, в которых отцу, к счастью, участвовать не пришлось. Образовавшийся 28 января 1942 года Крымский фронт с февраля по апрель направлял войска на освобождение районов Феодосии и Белогорска, но эти попытки не увенчались успехом. В связи с большими потерями Ставка отдала приказ временно прекратить наступательные действия. Сражение под Керчью началось 8-го апреля. По официальным данным, 9–11 апреля были последней попыткой советского наступления в Крыму.

Из дневника 1942 года

Опять, невзирая на то, что уже десять вечера, фриц навестил Керчь. Одного поймали прожектора, но сбить его не смогли, и он себе преспокойно улетел спать, наверное, до завтрашнего утра. Весело. Ну, пока все. Лягаю спочивати до ранку. Надобраніч, моя любя¹⁴!

*Хотел бы в единое слово
Я слить свою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.*

Да, ужасно хотел бы ее увидеть. Интересно, о чем она сейчас думает. Думает ли... она обо мне...

¹⁴ Укладываюсь спать до утра. Спокойной ночи, любимая! (укр.)

Он пытается представить ее — лицо, волосы... Но перед его взором возникает только светящийся абрис. Он почему-то уверен, что в этот самый момент и она о нем думает. Вот отложила свой конспект в сторону и смотрит куда-то в сумерки, поверх настольной лампы.

Там они и встречаются — поверх ее лампы, и ночных фонарей, и домов, и кораблей.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Двадцать два дня на вздымающейся бездне. Двадцать две ночи рваных снов.

Наконец он ступил на твердую почву, да только и на земле нет прежней устойчивости. Кто по ней ходит, а кто в ней лежит — трудно сказать наверняка. Все перепутывает военное время, сталкиваются в одночасье противоречивые известия: «Жди!» — «Погиб». Кому верить? Кого слушать?

Сердце, сердце слушай... Так в сердце все живы! Ну, и хорошо. Значит, живы.

Из дневника 1942 года

Город Новороссийск встретил нас не по-праздничному.

1 Мая провели в Анапе. Впервые за 22 дня мы вступили на твердую почву спокойно. В Новороссийск еженощно прилетают фрицы. Много разрушенных зданий, но это преимущественно небольшие домики. В Новороссийске Л. не увидел. Она пока находится в Батуми.

Он идет по улицам Новороссийска, вглядываясь в худеньких хрупких девушек. Всех их хочется принять за Л., и окликнуть, и подбежать...

Ничего, ничего, это даже хорошо, что она вдали от Новороссийска с его еженощными бомбежками. Пусть из них двоих она будет в безопасности, ему так разлуку легче перенести будет.

Из дневника 1942 года

Придется ли еще увидеться? Хотелось бы, конечно, но и хотелось бы, чтобы она уехала в Баку, домой. Тут плавать опасно. Ежедневно неприятные новости: «Восток», «Пушкин» и другие — покойники.

Нет уж, лучше одному рисковать. Может, после войны (если жив останусь, в чем сомневаюсь) мне удастся снова ее увидеть и принять окончательное решение. А пока нужно думать о другом.

В управлении записался на курсы штурманов местного плавания, которые будут в Ростове. В списки уже занесли, но зачислят ли?

16 мая 1942-го года немецкая 170-я дивизия взяла Керчь, а 19-го мая боевые действия на Керченском полуострове были прекращены по приказу командования.

Корабль, на котором был Виктор, возвратился без потерь.

* * *

Он тихонько постучал в дверь ее каюты.

— Марина, там открыто, — слышался ее голос.

Он чуть приоткрыл дверь и заглянул. Она лежала на застеленной койке с конспектом в руках и отмечала что-то на странице. На вошедшего даже глаз не подняла, предполагая, что это подруга, с которой они готовились к экзаменам.

Виктор тихонько откашлялся. Л. на секунду замерла над тетрадью, все еще не поднимая глаз, словно боялась развеять иллюзию его присутствия. Он тоже замер.

— Это ты, — сказала она, все еще не отводя глаз от конспекта.

— Это я, — сказал он, все еще не двигаясь с места.

Она сорвалась с постели и бросилась к нему, и они ухватились друг за друга, то ли пытаясь удержаться от нарастающей качки, то ли нырнуть в пучины, пока течение уносило их, закручивало, подбрасывало...

— Что же теперь будет? — спросила она, когда их наконец выбросило на берег смятых простыней.

Он поглаживал ее волосы, ничего не говоря. «Теперь мы как все», — пронеслось у него в голове. И в ту же секунду понял, что это не так, что они никогда не будут как все, по крайней мере, она.

Он разглядывал ее лицо, будто по-новому увидел ее.

— Ты меня больше не любишь, — прошептала она обреченно.

— Глупенькая, ну какая же ты глупенькая, — так же тихо произнес он, обняв ее. — Кто же я теперь без тебя!

— Ты правда так думаешь?

— Правда...Только бы война поскорее закончилась!

Она чуть отстранилась.

— Закончилась... А ты не боишься?

— Чего? Что ты имеешь в виду? Чего я должен бояться?

— Что все закончится...

— Я... я говорил только о войне.

— Но с войной многое кончится, и мы не знаем, что именно...

Не знали же мы, что война сведет нас!

— Это правда...

Они притихли, вслушиваясь в далекие сирены. Он вдруг ясно осознал, что ни от одной минуты своего прошлого и настоящего не смог бы отказаться без риска потерять ее, не встретиться с ней. И так будет дальше, и так будет всегда: сколько бы он ни печалился о потерях и как бы ни желал все повернуть вспять, всегда помнил, что вернешь одно — потеряешь другое...

* * *

Л. готовилась к последнему экзамену.

Делать было нечего, кубрик опустел — все были в городе. Виктор прошел сквозь строй аккуратно заправленных коек, подошел к своей. На тумбочке лежала оставленная кем-то книга рассказов Конрада. Полистал ее и начал читать рассказ «Завтра». Долго не мог вникнуть в смысл написанного... Л. вытеснила собой все, и без нее время тянулось бесконечно медленно, ненужное и тягостное. А она была рядом, за деревянной перегородкой, в кубрике, куда их недавно перевели. Он представил, как она сидит за столом и учит радиотехнику, запоминает какие-то там характеристики ламп, надежность контуров... А контуры их мыслей теперь уже навечно настроены в резонанс.

Бьют склянки. Старые матросы не в силах забыть вековые традиции, и не зря на баке висит колокол с засаленной, любовно сплетенной самим боцманом рындобулей. Дергают за эту веревку — самую короткую снасть на судне, — и колокол разговаривает понятным морякам всего мира языком. Сейчас он спокойно сообщает время — десять часов. В туман, когда судно стоит на якоре, его тревожные сигналы предупреждают идущие суда об опасности; он говорит уставшим морякам, вручную выбирающим тяжелый якорь, сколько многометровых смы-

чек цепи еще находится под водой, он веселым перезвоном бодрит их и прибавляет новые силы, радостно сообщая, что якорная цепь смотрит отвесно и еще немного усилий нужно, чтобы вытащить наверх тяжелое железо. На ночной, «собачьей вахте» моряки считают редкие удары своего медного друга, просят его побыстрее прогнать ночь. В шторм, когда рев стихии заглушает все человеческие звуки, только он один способен своим слабеньким голосом перекричать ненастье.

Колокол — друг моряка, он гонит прочь ненужное время и приближает встречу с любимыми.

В кубрик нетвердой походкой вошел Белов. Он считался заговоренным, и пуля его ни разу не брала. Старый кочегар остановился в проходе, будто припоминая, куда ему дальше двигаться, затем махнул рукой, ругнулся и вдруг заметил Виктора.

— Что, салага, и ты скоро в море уйдешь?.. Тебя возьмут на коробку, возьмут... — Он повысил голос. — А я? Знаешь, кто я такой? Спиридон Белов, старшина кочегаров, «дух» — вот кто я! За мной до войны «деды» гонялись, переманивали к себе: «Спиридон Ильич, дорогой, переходи ко мне, пожалуйста, рейсы мировые». А теперь что? Послали к этому «черному когтю» — не берет. «Нет вакансий», — говорит. Знаю я его!.. Пока не перекрестится, за реверсивку не возьмется, гнида. А я плавать хочу, плавать, понял! Надоело в этой пенсионной богадельне щи хлебать! — Белов присел на нижнюю койку, стал растегивать фланельку. — Сегодня в военкомат пошел, так и на фронт не берут, да еще и раздолбали: «Дезертировать с флота хочешь?» Куда ж, мать его в туруру, на фронт дезертировать?

Белов снял фланельку и попытался ее аккуратно сложить, но непослушные руки так и не могли выполнить эту несложную работу. Наконец он устал бороться с рубашкой и повесил ее на царги койки.

— А ты, как тебя, Витька, что ли?

— Виктор я, а по отчеству Леонидович, — ответил Виктор спокойно. Спиридон Ильич посмотрел на него одобрительно.

— Верно, Виктор! Честь свою береги. Витька — он на базаре вениками торгует, а ты матрос, Виктор. Пьешь?

— Не приучили.

— И не учись. — Он сел на койку и засопел, стягивая с ног ботинки. — Я до сорока годов дожил и не выучился. Это у кого язык ворочается, как оглобля, да храбрости как у зайца — пусть пьет.

Виктор усмехнулся в душе: а сам-то что? Однако промолчал.

Белов разделся и лег на койку поверх одеяла, не укрываясь.

— С горя я сегодня. Обидно, Витюша...

Кубрик постепенно стал заполняться. Ребята возвращались из города.

Виктор вышел на причал. Прошел к носовой части «Проциона». Над причалом виднелся иллюминатор *ее* кубрика, и слабенький кружок света пробивался сквозь щель неплотно прикрытого глухаря. Л. не спала. Он прошел к проходной, дошел до будки вахтера. Тишина напозла на спящий в боевой готовности город. В эту ночь не отдыхали солдаты у зенитных батарей, матросы стояли на вахте, меряли шагами притихшие улицы военные патрули. Спали только влюбленные, поневоле разлученные комендантским часом.

Из дневника 1942 года

Все практикантки уже уехали в Баку, она осталась одна. Быть может, она поедет в Ростов, куда ее хотят направить. Дальше видно будет. Тут часто попадают знакомые. Некоторые мои бывшие соученики тоже многое пережили. Один из них награжден орденом Красного Знамени, другому оторвало руку. Трое занимаются в Батуми, двое сидят, некоторые плавают, некоторые в Армии.

Наш теплоход переходит, вероятно, в военное ведомство. В общем, в ближайшем будущем должны быть большие перемены, может быть, даже решающие в дальнейшей жизни. Что именно — не знаю.

* * *

С утра шумел веселый дождь. Л. ушла на последний экзамен, и они договорились встретиться в небольшом скверике у клуба, в три часа дня.

Дождь барабанил по палубе, шелестел в снастях. По закрытым иллюминаторам стекали тонкие прозрачные струйки, и в кубрике было людно — дождь отобрал у всех увольнительные в город. В дальнем углу собралась группа моряков, они о чем-то негромко беседовали. Доносились обрывки разговора, смех.

— ...А он спрятал голову за кнехт, а зад кверху торчит и виляет из стороны в сторону мелкой дрожью, от пуль отмахивается. Бежит мимо боцман, на бак к пушке торопится. Увидел такую картину, снял у него с головы каску, положил на эту выдающуюся часть тела и кричит ему: «Зад побереги, а то вдруг лишняя дыра появится, и люди засомнева-

ются, мужик ты или баба».

Все захохотали.

Машинист Щепиков негромко брэнчал на гитаре. На звук гитары потянулись полосатые тельняшки. Присаживались на нижние койки, стояли в проходах.

— Сыграй-ка, Миша, «Три эсминца», — попросил радист с «Белостока».

Щепиков кивнул, взял вступительные аккорды, и радист на удивление чистым и приятным баритоном затянул песню:

*Их было три — один, второй и третий,
И шли они в кильватер без огней.*

Четкие отрывистые аккорды гитары, словно взрывы, сопровождали мужественные и печальные слова песни. Молодые голоса негромко пели о выполненном долге и гибели. Виктор тихонько подпевал им, вспоминая товарищей, погибших под Одессой и Феодосией, Севастополем и Керчью. Виктор достал фотографию Алешки, припрятанную в нагрудном кармане. Вот он, в бушлате, перепоясанный пулеметными лентами, с двумя гранатами за поясом, на груди комсомольский значок, значок Ворошиловского стрелка и ГТО первой и второй степени. Целый и невредимый. Алешка, Алешка! И пулеметные ленты, и гранаты были трофейными, подобранными им в Феодосии, после того, как они принимали участие в высадке десанта. Он просто хотел сфотографироваться таким, походить на героев-моряков времен гражданской войны... И почему каждую войну считают последней? Вот и эта кончится, и все уже сейчас мечтают о наступлении вечного мира после разгрома фашизма. Так ли это? Или, может быть, объявится новый фашизм под другим именем и вновь толкнет народы на кровавую бойню?

В иллюминатор виднелось выщербленное дождем море. Буксир «Сарыч» двигался к пассажирскому причалу, дымил, и серо-черный дым из высокой трубы стелился понизу, кружил над палубой и таял в потоках дождя. Мысли Виктора незаметно выскользнули из кубрика и потекли по направлению к Л. Как она там? Небось, волнуется. А может, все волнения уже позади и скоро прочтут им отметки и вручат новенькие свидетельства.

По трапу протопал вахтенный. Остановившись на полдороги, он наклонился и заглянул в кубрик.

— Боргу и Белову в кадры после обеда.

Виктор ждал этого вызова со дня на день, и все же от этой ожидаемой неожиданности екнуло сердце. «Отгулял», — подумалось вдруг. Что ж, становись на свое место в строй, матрос! Долг и чувство не боролись в нем. Был долг, и было чувство, и они поддерживали друг друга.

Внезапно дождь прекратился, небо очистилось, и только над горами распластались отдельные белые облака.

Радист затянул «Девушку из маленькой таверны», которую «любил суровый капитан», но солнце уже сделало свое дело, и голоса подпевали нестройно и без бывшего подъема. Такие песни хорошо поются на открытой просмоленной палубе под аккомпанемент спокойного моря и бесшумное покачивание звезд. Только нет его сейчас нигде, этого спокойного моря.

* * *

Дождь украл у него два часа, а вызов в кадры еще часа на полтора сократил время.

А дел предстояло много. Вначале нужно было сходить на барахолку и купить Л. подарок в честь сдачи экзаменов. Туфли у нее были старенькие, еще довоенные, а из верхней одежды кроме платья и свитера, кажется, ничего и не было. Затем кадры и встреча с Л., а после этого... После этого он и не знал, что будет. Быть может, сразу же придется в рейс уйти.

Виктор подсчитал свои капиталы. Не густо, но кое-что купить можно. Решил продать небесно-голубой ватник — все равно он ни к чему, дело к лету идет.

Суббота — рабочий день барахолки. На вытоптанной до блеска полянке, огороженной дощатым забором, сновали покупатели, чинно прохаживались и предлагали свои товары продавцы; у ограды на деревянных скамеечках примостились старухи с разложенным на газетах или просто на земле старьем, всевозможной литературой от Библии до фривольного Бокаччо; стоял веселый шум многоголосой толпы.

Ватник он быстро продал за полцены какому-то одноному инвалиду. Труднее оказалось купить что-нибудь для Л. Виктор переходил от кучки к кучке, но того, что интересовало его, ни у кого не было. Уже отчаявшись что-либо купить, он вдруг наткнулся на свет-

ло-коричневые туфли-лодочки на высоком каблуке, почти новые, и, главное, размер был подходящий. Не торгуясь, Виктор купил их и завернул в газету, да еще и десятку отдал бабке сверху на радостях. Бабка обрадованно что-то воскликнула, вроде: «Пусть носит на здоровье!» — но он уже не слышал, потому что в этот момент заметил белую шелковую блузку и бросился туда. Он осматривал ее, мысленно примеривая на Л. Ей должно быть к лицу. Как раз для жаркого лета. Блузку купил, не торгуясь.

Все! Программа-минимум была выполнена. Посчитал оставшиеся деньги — семьсот рублей. Куда их девать? Скоро на пароход, а там харчи казенные, бесплатное жилье, отопление и освещение.

У самого выхода из толчка пожилой суровый человек в чисто выстиранной синей спецовке продавал дамские часики. Они были не то золотые, не то из какого-то нержавеющей сплава и величиной с пуговицу от кителя. На белом циферблате были нанесены миниатюрные римские цифры.

— Швейцарские, — пояснил мужчина.

— Сколько хотите? — поинтересовался Виктор.

Продавец посмотрел на него и не сразу ответил:

— Ну... Давай две тысячи.

Виктор нехотя возвратил часы. Тотчас же подошел полный мужчина во френче полувоенного покроя, брюках-галифе и блестящих хромовых сапогах. Он небрежно взял часы, рассмотрел их, приложив к уху, послушал ход.

— Сколько? — безразлично, с оттенком пренебрежения спросил он.

— Две пятьсот, — прозвучал сухой ответ.

— Бери два куса и по рукам, — начал торговаться толстый.

— Не пойдет, — ответил старик, даже не глядя на покупателя.

— Пол-литра в придачу?

— Сказал две пятьсот и баста! — с раздражением ответил старик.

— Ну, как хочешь. Красную цену даю. — Френч отошел.

Виктор тоже направился к выходу.

— Эй, моряк, подь сюда! — окликнул его старик. Виктор возвратился. — Сколько даешь? Дочкины, да ей теперь уж ни к чему...

— У меня всего семьсот рублей.

— А-а-а... — разочарованно протянул старик. — А для кого брать-то хочешь?

— Да так... для девушки, — почему-то смутившись, ответил Виктор.

— Невеста?

— Да.

Он подумал и протянул ему часы.

— Бери! Пусть носит на здоровье! А остальные, как будут — отдашь.

Виктор выложил ему все деньги.

— Вы не беспокойтесь, остальные я вам отдам, как заработаю.

Адрес только скажите, я занесу.

— Отдашь, коли жив будешь. Сам был моряком, знаю. А адресок мой запиши.

С базара Виктор летел на крыльях. Хотелось сейчас же, немедленно вручить Л. подарки, но сперва нужно было зайти в кадры.

* * *

Новый отдел кадров временно разместился на первом этаже старого двухэтажного дома в комнатке, разделенной пополам фанерной перегородкой с прорезанными в ней двумя окошечками. За первым от входа сидел инспектор по машинной команде, в следующем — по палубной и обслуживающему персоналу. В узком пространстве толпились и сидели на низких подоконниках моряки. Инспектор по машинной команде то и дело высовывал лысую голову и просящим жалобным тоном призывал говорить потише и не курить. Ненадолго разговоры стихали, папиросы прятались в рукава, но затем продолжалось то же самое.

В очереди у первого окошечка стоял Белов. Завидев Виктора, он молча кивнул и продолжал чего-то ждать.

Виктор подошел к своему инспектору.

— Борг... Борг... — инспектор перебирал бумаги. — Ага, вот он, Борг. К начальнику!

«Почему к начальнику?» — пронеслось в голове.

Тщетно перебрав в уме различные причины вызова, он открыл дверь кабинета и, стоя на пороге, представился:

— Матрос Борг по вашему вызову прибыл!

Начальник отдела кадров Медведев указал на свободный стул рядом с письменным столом, за которым он сидел. Глаза сквозь огромные очки рассматривали вошедшего пристально, изучающе, но по-доброму.

— Борг? Стаж работы два года, образование — среднее, член ВЛКСМ. Так, кажется? — все это он сказал, не заглядывая в личное дело.

— Все верно, товарищ начальник отдела кадров, — подтвердил

Виктор.

— Так вот, Виктор Леонидович, поедете во Владивосток. Флот там растет, а с людьми туго. Решено часть черноморцев отправить туда.

Вот так новость! А как же Л.? Оставить ее здесь, одну?

— Владимир Михайлович, если можно, прошу не посылать меня туда, — настоятельно попросил Виктор.

— Не посылать? Это почему же? У вас есть уважительная причина не ехать?

— Да, — ответил, смутившись, Виктор.

— Какая же, если не секрет?

Ну как ему объяснить?

— Причина... личная, Владимир Михайлович.

— Ну, хорошо. Не настаиваю на вашей откровенности, но прошу еще раз подумать. В конце концов, я могу и не спрашивать вашего согласия — время-то военное.

Видимо, он ждал объяснения, но Виктор молчал, понимая, что дальше настаивать на своем нет смысла.

— Кстати, есть еще одна причина командировать вас туда — у вас среднее образование и вы сможете учиться на штурмана. У вас ведь раньше было такое желание?

— Я сдавал экзамены в мореходку, но не прошел по конкурсу.

— Ну вот, тем более есть все основания ехать.

— Сейчас не могу. Прошу вас месяц отсрочки, а там — куда угодно. Медведев снял очки и стал протирать стекла.

— Так... Тогда у меня к вам вопрос, тоже частный. Вы уж простите заранее. Я слышал, что вы встречаетесь с Л. Это что, серьезно у вас?

Такого вопроса Виктор не ожидал.

Справившись с замешательством, он ответил:

— Очень... Очень серьезно, товарищ начальник отдела кадров!

Медведев издал какой-то неопределенный возглас, и очки вновь заняли свое место на переносице.

— Видишь ли, Виктор Борг, это как бы и не мое дело, но девушку я знаю, много горя ей принесла война... Вчера я получил ответ на мой запрос в министерство обороны. Мне сообщили, что ее отец погиб смертью храбрых под Харьковом. Где и как — подробностей нет. Знаю, что семью он оставил, но все ж таки отец, родная кровь. Я не сказал ей об этом пока, и ты не говори, не стоит волновать ее до поры до времени. И еще... Мать ее умерла. Так что теперь она сирота.

Так-то... Мы, конечно, не оставим ее без поддержки, но и ты береги ее. Ну, и, как это сказать, особых вольностей не допускайте — время военное, сам понимаешь...

Он замолчал, что-то обдумывая.

— Ну, раз такое дело, пойдете вместе на «Чауду». Она послезавтра в рейс уходит. А там посмотрим, может, вместе и во Владивосток отправитесь.

Он написал что-то на бланке и передал листок Виктору.

— Лети к инспектору, он выпишет направление.

Выйдя из кадров, Виктор вновь увидел Белова. Он рассматривал какую-то бумагу. Обычно хмурое лицо его на этот раз сияло от радости.

— Что, на судно направили? — поинтересовался Виктор.

— На «Серов»! Этой ночью в рейс уходим.

* * *

Ну и дела! Виктор вышел и взглянул на часы. Был третий час, а до скверика всего десять минут ходу. Он шел не спеша, все еще находясь под впечатлением от разговора с Медведевым. Как же теперь предстать перед Л.? Сделать вид, что он ничего не знает? А с тяжестью этой что делать? Удастся ли скрыть от нее? Но ведь, с другой стороны, у него для нее замечательные новости! Значит, нужно думать о хорошем и помнить о слове, данном Медведеву.

Л. уже ждала его на условленном месте, хотя до встречи оставалось добрых полчаса. Она заметила его издали и побежала навстречу. По ее сияющему лицу он догадался о результате экзамена.

— Привет! Ну, как? Сдала? — спросил он, давая ей возможность поделиться радостью.

— Угадай!

Виктор закрыл глаза, подумал и поднял вверх руку с пятью растопыренными пальцами.

— Верно?

— У-у, бессовестный! Зачем ты сразу угадал?!

— Ну что ты, я не сразу, совсем не сразу. Я подумал сначала, прикинул все. А вот ты ни за что не угадаешь, что я тебе принес в подарок.

— В подарок? Мне? Погоди, не говори... — Она тоже закрыла глаза

и застыла, чуть нахмурив лоб и вытянув подбородок к небу. Смешная... — Вить, я знаю, что это, — наконец почти шепотом сказал она, не открывая глаз.

— Знаешь?

— Знаю. Ты принес мне в подарок свое сердце. — Она открыла глаза и посмотрела на него серьезно. — Ты хочешь сделать мне предложение. Такого оборота Виктор не ожидал.

— Как... как ты догадалась? — так же тихо спросил он.

— Значит, правда.

— Конечно, правда. Самая что ни есть настоящая правда. Только...

— Что?

— У меня нет паспорта, одна справка пока что...

— Какая справка?

— Для получения паспорта. Паспорт мой потонул вместе с судном.

— Ну, почему все не может быть хорошо! — чуть не со слезами проговорила она. И тут же одернула себя. — Какая же я глупая! О чем горюю? Это ведь хорошо, что паспорт потонул, а ты цел остался. Было бы наоборот, и паспорта не нужно было бы.

Ее неожиданное умозаключение развеселило обоих.

— Стой, я, кажется, придумал. Почему бы нам не зарегистрироваться у меня на теплоходе? Капитан сделает запись в судовом журнале. Это равносильно регистрации в ЗАГСе.

— А разве так можно? — с сомнением спросила она.

— Конечно! Такие случаи бывали, когда судно находилось в дальнем плавании.

— Но мы ведь не в дальнем плавании...

— Все равно, давай попытаемся. Объясним все капитану, он должен нас понять, — с жаром и убеждением сказал Виктор, совершенно позабыв о подарках, которыми намеревался обрадовать ее. — Знаешь, если очень хочешь чего-нибудь, всегда добьешься.

— Попробуем... — без всякой уверенности ответила она. — Хочется вместе войну пройти.

— И пройдем! Вот посмотришь. А у меня для тебя подарок по случаю отличной сдачи экзаменов, — сказал он, протягивая ей сверток.

— Что это? — Она медленно развернула сверток. — Ой, туфли! И какие чудные! На высоком каблуке... Я еще ни разу в жизни не носила на высоком каблуке! И цвет мне нравится... Идем, сядем на скамейку, я примерю. — Она схватила Виктора за руку, и они побежали

к ближайшей скамейке...

Он смотрел, как она примеривала правый туфель, затем, вытянув ногу, поворачивала ее из стороны в сторону, любуясь обновкой.

— Как на меня шиты!

Затем надела второй туфель, встала и сделала несколько шагов.

— Ходить немного неудобно... Но это ничего, я привыкну.

Тем временем Виктор вытащил второй сверток — с блузкой.

— А вот еще...

— Ой, а это что за красота такая! — воскликнула она, немедленно приложив блузку к себе. — Ну как?

— Тебе к лицу. Я так и думал, — подавляя счастливую улыбку сказал он.

— Витюша... Да ты... Да ты просто... просто волшебник. Мне никто никогда ничего подобного не дарил!

— А теперь кто-то будет тебе все время что-то подобное дарить. — Он наконец открыто просиял.

— Ну, пойдем же, пойдем скорее в общежитие, я переоденусь в новое.

— Погоди. Тут вот еще кое-что для тебя... — Он вытащил из кармана часы. — Нравятся?

— Витя-я-я, — протянула она, и глаза ее округлились. — Витя-я-я...

— Это... это в честь нашей помолвки. У нас с тобой ведь сегодня помолвка, правда?

— Правда! — Она бросилась ему на шею, радостно чмокнув в щеку.

— А теперь слушай еще: нас с тобой вместе направляют на «Чауду», и пароход послезавтра уходит в рейс!

— Ой, Витюша... Нет, ты шутишь... Ты не шутишь?

Вместо ответа он вытащил из кармана направление и показал ей.

— Не шутишь... Не шутишь! Так нужно же скорей бежать в кадры за направлением!

— Погоди, направление мы успеем получить и завтра, а сейчас нужно пойти на судно и поговорить с капитаном.

Они вышли на Приморскую улицу, дома с левой стороны глядели раскрытыми окнами в бухту. Невысокий парапет ограничивал улицу, и за ним чуть слышно шелестел морской прибой. Какой-то матрос в полуметровых клешах сидел рядом с девушкой на парапете, обняв ее за плечи, и рассказывал о чем-то. Его рассказ то и дело прерывался звонким смехом девушки.

— Так я пойду, а ты меня здесь подожди, — сказал Виктор, когда они приблизились к пароходу.

Л. кивнула ему, и они расстались у трапа.

* * *

Магерам Сулейманович встретил Виктора дружелюбно, но сдержанно.

— Значит, хотите в судовом журнале расписаться? — уточнил он. Виктор кивнул в знак согласия.

— Слушай, а почему бы вам не пойти в ЗАГС и там не расписаться, как все люди?

— Паспорта у меня нет, Магерам Сулейманович, — вздохнул Виктор. — Завтра воскресенье, милиция не работает, а послезавтра нам в море уходить.

— Ну, что ты стоишь тут на глазах, видишь: диван есть! — внезапно вспыхнул капитан.

Виктор сел на диван.

— Слушай, зачем так торопишься? Мы, конечно, можем оформить законный брак в судовом журнале по причине военного положения. Только ты где проведешь свою первую брачную ночь? Есть где? Нет! И дома нет, и мамы-папы нет. Несерьезный ты человек, Виктор Борг, мало думаешь. Кто за тебя думать будет — капитан, да? — Он разводит в стороны короткие руки. — Извини, пожалуйста, — для свадьбы ты большой, а думать маленький, да?

— Да у кого сейчас дом есть — война, Магерам Сулейманович, — робко возразил ему Виктор.

— Война, война...

Капитан встал с кресла, подошел к двери и, открыв ее, свистком вызвал вахтенного и приказал ему пригласить к себе старпома и подшкипера. Затем снова уселся в кресло.

— Ну, хорошо, капитан думать будет. — Слово «капитан» он подчеркнул энергичным жестом руки. — Хорошо, сделаем морскую свадьбу. Пусть будет так, пусть люди на свадьбе погуляют, веселые будут. Пусть капитана ругает начальник, а я ему скажу, что пусть хоть раз люди на свадьбе погуляют, а не только поминки справляют, радуются пусть, смеются.

— Разрешите войти? — спросил старпом, открыв дверь каюты.

За ним стоял подшкипер.

— Да, да. Ты уже вошел, чего спрашиваешь. Такое дело, старпом, завтра свадьба будет здесь. Да, да, свадьба, говорю я, не удивляйся. —

Он тыкнул пальцем в сторону Виктора. — Вот этот и... как ее фамилия?

Виктор назвал фамилию Л.

— Ну да, да, такая радистка красивая. Так вот, завтра вечером, в шесть часов, скажем, приготовим праздничный ужин. Повар пусть обед не готовит, а сделает хороший ужин. Ну, там, как это, винегрет, консервы-мансервы. Народ согласится поголодать полдня по такой причине.

— Согласится. Сегодня матросы набрали полшлюпки глушенной кефали, будет прибавка к ужину, — заметил старпом.

— Хорошо, пусть повар ее приготовит, знаешь, по-гречески. О вине жених позаботится. Мы немножко поможем. Да, старпом?

— Поможем, Магерам Сулейманович.

— Только народ предупреди строго. Пусть пьют, сколько могут, каждый свою норму. Чтоб прилично, чтоб ни одного пьяного не было. Да, да, скажи им, старпом, у нас праздник, а не попойка, понял?

— Ясно.

— Ну, хорошо. Иди, старпом. А ты, Николай Харитонович, останься.

— Слушаю, товарищ капитан!

— Садись, пожалуйста, Николай Харитонович. — Капитан поднялся с кресла и, смотря на палубу, несколько раз прошелся от стола к двери. Затем остановился перед подшкипером. — Скажи мне, была ли когда-нибудь свадьба на парусном корабле?

— Никак нет, товарищ капитан. И духом бабьим там не пахло.

— Вот-вот. А мы свадьбу решили делать. Как думаешь, правильно?

— Да, как сказать... — замялся дядя Коля.

— Раньше многого не было. И капитан не встречал матросов у трапа, честь им не отдавал. Да?

— Точно, товарищ капитан, сроду такого не бывало, — подтвердил подшкипер.

— А я так делаю. Герои они, жизни своей не жалеют и за нас с тобой, стариков, воюют. Потому и честь им и слава. И свадьбу сделаем! Как война началась, ни одной свадьбы не было, все поминки и поминки. Пусть теперь люди выпьют за молодых, как в мирное время, пусть молодая народит нам моряков. Я правильно говорю?

— Оно, конечно, так, товарищ капитан. Время такое... — неуверенно ответил дядя Коля, не зная, к чему клонит капитан.

— А ты почему домой не ходишь? Старуха твоя волнуется. Сегодня встретила меня у проходной, спрашивает, жив ли, может, в тебя

бомба попала. Ты после свадьбы иди домой. О каюте не беспокойся. Я прикажу молодым ночью охранять ее, понял? Послезавтра они в море уходят.

Дядя Коля не торопился с ответом.

— Чего ж каюту. Негоже так, товарищ капитан. Я смекаю, молодым дом нужен, по-людски надо. А у меня свой домик есть, три комнаты, садик. Нам со старухой и двух комнат хватит, и им комнатенка достанется. Пускай живут, доколе своей не заимеют.

Неожиданно завыла самая пронзительная сирена, с элеватора. Ей начали вторить другие гудки и сирены.

— Опять тревога. Значит, Николай Харитонович, договорились. А теперь иди, проверь, чтоб все в укрытие попрятались, а то тут некоторым стыдно в щели прятаться. Молодой народ, глупый еще. И сам тоже туда иди, а то по кораблю как молодой бегаешь, а туда — ноги болят.

Дядя Коля пытался что-то возразить.

— Иди, иди. Знаешь мой приказ: на судне кроме капитана и вахтенного никого не должно находиться во время воздушной тревоги. И ты бери свою невесту и иди, — обратился он к Виктору, — обрадуй ее.

Виктор вышел из каюты вместе с подшкипером.

— Так ты, сынок, перебирайся в мой дом. У меня хорошо: вишни, яблони, груши прямо в окна глядят — руку протяни и ешь себе на здоровье. Винограду пятьдесят кустов, свое вино. Старуха у меня хозяйская, боцман, а не женщина. Ну, поворчит когда, так вы не шибко пужайтесь, она добрая. Завтра и приходите. Вещей, чай, не больно много?

— Какие вещи! Все на себе носим.

— Ни кола, значит, ни двора. Ну, Бог даст, фрица побьем, образуется. А ты беги в убежище. Неровен час, бомба попадет али осколок какой — вот ты и не вояка.

Подошел Белов со свертком постельного белья.

— Я жду вас. Вещи сдать надо, — обратился он к дяде Коле.

— На судно, чай, назначили?

— На «Серов».

— Ну, в добрый час. Отмаялся здесь. А вещи в один момент примем. Ступай за мной.

Л. ждала Виктора у трапа.

— Ну? — спросила она с тревогой в голосе.

— Порядок. Завтра здесь и свадьбу сыграем. Пошли в бомбоубе-

жище, — ответил он радостно, обняв ее за талию.

Она отвела его руку.

— Люди смотрят. Расскажи все по порядку.

Виктор поведал ей о разговоре в капитанской каюте, о предложении дяди Коли. Она слушала, не перебивая, но в глазах появился радостный блеск, она разругянилась и заулыбалась.

— Даже не верится, — приговаривала она всю дорогу. — Так все случилось... неожиданно... А завтра все будут кричать горько... Я ни за что не поцелую тебя, мне стыдно при всех, — прибавила она с радостным волнением, и звук ее голоса стал более низким, грудным. — А давай не пойдем в бомбоубежище, ладно? Просто подойдем к волнолому и будем смотреть. Я хочу закалять свою волю.

— Судьбу испытывать? Ладно, согласен!

Налет уже начался, но Виктор думал о чем угодно, только не о налете. И радость, и тревога, и думы о завтрашнем дне — все это проносилось, как в калейдоскопе. Мысли сменяли одна другую. Завтра, завтра, завтра... С завтрашнего дня и до конца жизни Л. — его супруга... Когда кто-то говорил «супруга», ему представлялась дородная, благоразумная хозяйка, мать энного количества детей, хранительница домашнего очага. Никак этот образ не вязался с Л.

Л. — супруга, Л. — мать его детей. Интересно, какими они будут? Маленький Борг будет ползать по комнате, смеяться и, наконец, произнесет первое слово. Этим словом, конечно, будет «мама». Мама... Он подумал о своей матери, о Жене. Не приведется им погулять на его свадьбе. Ну, ничего, свадьбу еще одну справим, уже после войны, все вместе...

Гремели выстрелы, где-то свистели бомбы. Видимо, фашистских летчиков встретили на подходе к городу советские истребители, и сюда удалось прорваться лишь одиночным самолетам, да и те сбрасывали свой смертоносный груз с большой высоты куда попало.

«Хорошо, что мы будем вместе на одном пароходе, — думал Виктор. — Всегда с ней, видеть ее, слышать ее голос. Какой день! А завтра еще много дел. Нужно зайти в кадры, попросить аванс, купить вина...»

Послышался гудок отбоя воздушной тревоги.

— Мне впервые не было ни капельки страшно при налете, — весело сказала Л. — А что у меня тут творится... — Она прижала ладонь к груди, но вдруг сама себя прервала, словно вспомнив о чем-то. — Ну, все. Пока я покину тебя, и до самого утра ты не увидишь меня.

Понял? И не спрашивай почему, все равно ничего не скажу. Это — тайна. И вообще сегодня ложись спать пораньше, чтобы завтра был свеженький, как огурчик. Мама мне всегда так говорила перед экзаменами.

* * *

«Что же мне такое снилось? Вначале я летел. Взмах руками, и я полетел. Очень приятно и немного страшно. Подо мною овраги, речушки, ковыльная степь...» Сон снова начал одолевать его. Продолжилось состояние полёта. На высоком берегу реки белел одинокий домик, цвели яблони. Он хотел спуститься на землю, но неодолимая сила влекла его вперёд.

«Куда я лечу? — думал он. — Ах, да! Я Л. ищущий»

Он знал, что она где-то рядом, и ему необходимо найти ее. Вдруг он услышал свое имя. Кто-то звал его. Голос был грубый и называл его по фамилии.

— Да проснись ты, наконец! — сердитым шепотом говорил вахтенный, тормоза Виктора.

Виктор вскочил на ноги, ничего не понимая. За окном все еще стояла ночь.

— Одевайся быстренько. За тобой машина пришла.

— Какая машина?

— Дежурная. Иди туда, там все объяснят.

У кормы «Проциона» стоял крытый брезентом «Додж». Обе дверцы кабины были распахнуты, и у радиатора стояли и курили шофер в кожаной куртке и еще какой-то человек. Виктор подошел к ним.

— Борг? — осведомился второй. Виктор узнал в нем инспектора по кадрам. — Быстренько собирай вещи и едем на «Серов».

Виктор смотрел на него бездумно, еще не вникнув в смысл сказанного.

— Для чего на «Серов»? У меня направление на «Чауду» с затрашнего числа.

— Отменяется. Вот новое, на «Серов». — Он протянул направление. — Там не хватает двух матросов. Их ранило в городе при налете. Судно отходит в три часа.

— Сколько сейчас времени?

Инспектор посмотрел на часы со светящимся циферблатом.

— Без десяти час.

— Сейчас соберусь...— едва слышно ответил Виктор.

Все его вещи уместились в спортивный чемоданчик. Постельное белье он сдал вахтенному и попросил его вызвать Л., но тот сказал, что он сам может к ней зайти, она еще не спит.

На его стук дверь приоткрылась, и выглянула одна из девушек.

— Ой! Жених пришел,— протяжно и задорно крикнула она в кубрик.

Л. что-то шила из белой ткани. Девчонки помогали ей. На столе рядом со швейной машиной были разбросаны обрезки материи, стоял электрический утюг.

Л. вскочила и выбежала к нему в легком светло-синем халатике, тапочках на босу ногу. В отверстии халата торчала игла с длинной белой ниткой.

— Что случилось?

— Я уезжаю. Срочно вызвали на «Серов». Проводи меня до машины.

Она на секунду замерла, но ничего не сказала, лишь взяла его под руку, и они стали подниматься наверх.

Когда они вышли, она обвела ночную улицу взглядом.

— Скажи, что это неправда, скажи, что ты пошутил...

Виктор молчал.

Они сошли на причал. Полная луна освещала парусник, вдали виднелись силуэты портовых зданий, стоящие под погрузкой пароходы, высокие горы угля на бункеровочном причале.

— Чуюло мое сердце,— уже смирившись, сказала она. И прибавила: — И Белов туда же назначен...

— Ничего, все будет хорошо.

— Нет... Хорошо уже не будет. Не с таким раскладом. Дай мне слово, что ты будешь беречь себя и... что будешь сигналить мне мысленно. А я буду сигналить тебе...

— Даю... Даю слово. Буду сигналить тебе мысленно и буду ждать встречи. Я вернусь, вот увидишь. И мы поженимся.

— Вернись... вернись,— как заклинание, повторяла она.

Они продолжили путь, больше не глядя друг на друга. Почему-то особенно рельефно очерчивался крупный серый гравий сразу же за гранитной оторочкой причала, блеснул холодным самоцветом осколок стекла, чугунная швартовая тумба черным пауком распростерлась под иллюминатором кубрика, и от нее, похожие на паутину, уходили

стальные тросы на «Процион»...

Иллюминатор остался позади, позади осталась и самая счастливая пора жизни, но они все еще были рядом.

Они остановились, не дойдя десятка шагов до машины. Она протянула ему руку.

— Прощай. Дальше не пойду...

— Да... — опустив голову, согласился он.

С машины нетерпеливо просигналили.

Он вдруг бросился к ней и стал целовать ее лицо, волосы, руки... Все невысказанное ушло в эти поцелуи. Она стояла безучастная и тихо плакала.

С машины вновь засигналили.

Он отстранился, все еще не сводя с нее глаз, словно стараясь запомнить каждую деталь. Тогда она взяла его склоненное лицо в свои ладони и медленно прижалась губами к его сомкнутым губам. Так они стояли неизвестно сколько, впитывая каждую клеточку, соединяющего их тепла.

Просигналили в третий раз.

— Это вместо «горько», — пошутила она.

Он выдохнул, затем резко повернулся, побежал к машине и забрался под брезентовый тент...

* * *

За десять минут до отхода Виктор прибыл на судно. Старпом взял у него направление, сунул его в папку и сказал, чтобы он занял место в девятнадцатой каюте и готовился к авралу. Его вахта на руле с четырех до восьми, утром и вечером. По боевому расписанию — у носового орудия.

Заканчивалась посадка. По широкому грузовому трапу легко взбежали на судно десантники.

— Живей, сибиряки, не мешкай! — весело торопил солдат молодой лейтенант, командующий с берега посадкой.

Десантники — все крепкие рослые парни, — очутившись в незнакомой обстановке, сразу же освоились с непривычным местом своего временного пребывания и, быстро оценив ситуацию, выбирали место на брезенте трюма или на шлюпочной палубе у теплой трубы и по-

хозяйски расположились там с возможным комфортом.

С палубы и закрытых трюмов глядели в небо орудийные стволы. Часть из них была подготовлена к отражению возможных воздушных атак, и у этих орудий стояли наготове ящики со снарядами.

Последним, вслед за десантниками, на борт поднялся лейтенант, командовавший погрузкой.

В три часа ноль-ноль минут «Серов» снялся в осажденный Севастополь. Условия были крайне тяжелыми. Севастопольские фарватеры были заминированы, все корабли на трассах, ведущих к Севастополю, постоянно обстреливали. И, тем не менее, «Анатолий Серов» только в апреле-мае сумел доставить городу около 6 тыс. тонн продовольствия, более трехсот тонн боеприпасов и тысячу тонн оружия и амуниции. Это было подвигом.

Виктор стоял на полубаке, опершись о поручни, и смотрел на затемненный город. Спать уже было некогда — скоро нужно было заступать на вахту. Кроме неясной полоски береговой черты ничего не видеть. На миг ему привиделись белые мачты с реями. Но нет, померещилось...

Безмятежно, крепким молодым сном спали солдаты под своими шинелями, легко вздрагивал корпус от работы винта, дробно стучала рулевая машинка, а над головой плыли тихие звезды, и среди них выделялась яркая красная звезда. Нет, это планета. Марс, бог войны, тысячу лет назад придуманный людьми и до сих пор не свергнутый со своего кровавого престола.

* * *

После ужина подул северо-западный ветер, началась бортовая качка. Вся палубная команда во главе с боцманом проверяла крепление орудий, выбирала талрепами слабинку тросов, подбивала, где надо, клинья.

Курс, выбранный капитаном, оказался удачным, и хоть удлинил время плавания, но зато ни одного вражеского самолета не появилось за весь дневной переход.

Среди солдат нашелся гармонист. Весь день не утихали на палубе фронтовые песни и частушки. Они перемежались с шутками, побасенками и анекдотами. Настроение на палубе вовсе не вязалось с той адски трудной задачей, которую предстояло им выполнить.

Только к ночи закончилась работа. Виктор зашел в каюту. Нижняя

койка, аккуратно застеленная, пустовала — сосед по каюте находился на вахте. Сняв рабочую робу и помывшись под душем, Виктор залез под одеяло. В каюте стоял приятный, едва слышный запах натуральной олифы — видимо, не так давно производили покраску. Что-то было в этом родное, успокаивающее. Незаметно для себя он уснул.

* * *

Справа по носу колыхалось зарево пожара. Огонь то ярко вспыхивал, то утихал, темнел, становился багрово-красным, и вновь яркая вспышка белого пламени озаряла развалины зданий, черные деревья, отражалась в темной маслянистой воде.

Смолкли разговоры. На мостик поднялся капитан.

— Севастополь... — только и сказал. И в этом было все, все, что можно было вложить в это слово.

Время от времени слышалась команда «на руль».

— Есть на руль, — отвечал Виктор. Это была его последняя вахта перед Севастополем.

Поворот, еще поворот. Зазвенел машинный телеграф. Судно замедлило бег. На востоке небо посерело. Близился рассвет.

Ручка машинного телеграфа смотрела вверх, и стрелка его стояла на делении «стоп». Борт судна касался деревянного привального бруса, дрожали от напряжения стальные тросы, подтягивая сопротивляющийся пароход к причалу. Наконец, они слились в одно целое — «Серов» и земля Севастополя.

Севастополь... Более полугода длился непрерывный подвиг его защитников

Севастополь! Боль наша, гордость наша! Кто подсчитает силу духа защитников Севастополя, какой мерой измерить испытание на душевную прочность? Нет таких измерителей. Пылающий и ревущий ад. Трудно представить, чтобы что-нибудь живое могло существовать в таком разгуле огня и разрушения. Но снова и снова захлебываются фашистские атаки, крушась о гранит несгибаемой воли.

Моряк сошел на берег... Запомните его, мстителя, «черную смерть» — так называли его враги. В одной тельняшке и бескозырке,

он шел против орудийного и пулеметного огня, вызывая смертельный ужас врага своей заколдованной силой, своей неуязвимостью. И падал... Но тотчас на его место становился другой, и казалось, что он бессмертен.

Он — это сама земля Севастополя, вставшая навстречу врагу, чуждому и противоположному этой земле. Никто не думал о славе. Подделовому, выбросив широким жестом недокуренную самокрутку, вставал матрос и шел в атаку. И слова были простые, всего два слова — «За Родину», — но таким глубоким смыслом они были наполнены! Здесь каждая душа моряцкая стала крепостью. Взять или одолеть эту крепость невозможно, пока дышит моряк, пока бьется его сердце.

* * *

«Серов» выгружался под заслоном дымовой завесы. Руководивший выгрузкой капитан третьего ранга, с забинтованной рукой на перевязи, появлялся то тут, то там, подбадривая словом, торопя, помогая советом. Вездесущий капитан заражал своей неумной энергией и неутомимостью всех, и работа шла быстро, несмотря на сплошной гул и грохот от разрывов бомб и артиллерийской стрельбы. В воздухе носились сотни вражеских самолетов.

— Давай, давай, ребята! — торопил капитан. — С двадцатого апреля эта музыка не утихает. Ничего, привыкли и огрызаемся. Да еще как! А зенитки нам во как нужны. — Он провел здоровой рукой по горлу.

Ребята давали. На выгрузке работал весь экипаж. Не уходили с палубы матросы, машинисты и кочегары, механики и штурманы, отстояв вахту, тотчас же спускались в трюмы, становились на лебедки, командовали разгрузкой.

Только судовому врачу капитан третьего ранга запретил работать.

— Здесь у вас дело поважней, — сказал он, отбирая у врача ящик с гранатами. — Приготовьте-ка аптечку и будьте в готовности. Всяко может случиться.

— Не вижу смысла, — пробовал протестовать доктор. — Если на судно попадет бомба, то тут уж не врач потребуется, а портной. Да и тому не удастся собрать все лоскутки.

— А осколки? — возразил капитан. — Слышите, как свистит вокруг?

Так что со мной не спорьте, я тут стреляный воробей.

Помощь врача все же потребовалась. Из кочегарки, даже не помывшись и не переодевшись, вышел на разгрузку Белов. Вдруг он как-то странно взмахнул рукой, будто отгоняя с лица муху, и сразу же из кончика носа выступила кровь. Осколок срезал самый кончик носа, а другой впился в плечо. Через полчаса Белов продолжал работать, но больше не таскал ящики, а стоял на лебедке.

Вот тебе и заговоренный!

Перед самым концом выгрузки не стало врача. На берегу ранило кого-то из солдат. Доктор выбежал на причал и вдруг упал. Когда его принесли на судно, он уже не дышал. И осколок-то с булавочную головку, сразу и не могли обнаружить, куда он попал, пока не заметили капельку запекшейся крови у самого сердца.

«Серов», весь израненный, черный от приставшей копоти и дыма, с десятками пробоин в корпусе и надстройках, той же ночью ушел из Севастополя.

Капитан приказал усилить наблюдение за морем и поставить у носового орудия одного человека — в море могли встретиться подводные лодки или торпедные катера противника. «Серова» сопровождал военный тральщик.

Через час облака закрыли звезды, и судно растворилось в темноте ночи, но долго еще виднелись всполохи и мертвенный свет сигнальных ракет над тем местом, где остался сражающийся город.

Внезапно Виктор ощутил тишину, именно ощутил — не слухом, а всем телом.

Какая необыкновенная пленительная тишина, тишина до нереальности! Можно говорить шепотом, можно слышать легкий всплеск воды под форштевнем. Кажется, можно пощупать ее. Ничего ревущего, угрожающего, мчащегося на тебя — только тишина. Можно было думать о чем угодно.

Можно думать об Л.

Где она сейчас? Может быть, в этот час отходит «Чауда» и идет им навстречу? Может быть, не успели они окончить ремонт и завтра он ее увидит? Хоть издали, хоть мельком... Как хорошо, что не было ее в этом ревущем аде.

Сгущается пелена тумана. Неизвестность одерживает верх. То, что не знает он, не узнает уже никто. Следующая запись будет датирована, и это уже какой-то временной ориентир. Он пишет, что это первая дата

в дневнике, давая понять, что ранее дат не ставил намеренно. Стало быть, эту тоже поставил намеренно. Она появляется дважды — в начале и в конце, — словно он хочет закрепить ее, указать на ее важность. Зато все остальное скрыто теперь под вуалью неопределенности — никаких деталей, касающихся личной жизни.

Итак, я продолжаю. Сегодня 25 мая. Это первая дата во всей моей летописи. Сажу на старом месте и пишу. То, что поддерживало — обнадеживающие письма от матери и встречи с Л., — теперь отсутствует.

Сегодня получил от мамы письмо, которое меня очень взволновало — первая новость, а потом узнал, что Л. вчера только выехала в Ростов. Я не понимаю, как можно объяснить, что она не пришла ко мне попрощаться. На этом может кончиться наша история. Я ее очень любил, и она меня любила не меньше. У нас не было друг от друга секретов. Все шло так хорошо и вдруг сломалось. Вчера уехала в Ростов. Быть может, это и есть конец.

Завтра думаю писать письмо матери и немного ободрить ее. Жду письма от Л. Пока все. Уже 25 мая 1942 г. Может быть, это начало.

Почему эта дата оказалась настолько существенной, что ему потребовалось повторить ее дважды с уточнением? Какое напоминание для себя он оставляет здесь?

Так или иначе, запись закольцована датами и предложениями «может быть, это конец» — «может быть, это начало». Именно в этой последовательности. Но от того, что «начало» появляется после «конца», оптимизма не прибавляется — оно читается скорее, как «начало конца». Следующая запись тоже датирована.

Из дневника 1942 года

Сколько воды утекло с того дня! Сегодня 11-е сентября, т.е. уже прошло три с половиной месяца. За это время произошло очень много перемен.

О сути этих перемен — ни слова.

Из перемен становится известной только эта: 6-го сентября 1942 г. он был зачислен в Каспфлот и направлен на пароход «Онега» матро-

сом. Это не из дневника, а из его трудовой книжки. Из нее же я узнаю и о последующих переменах. Так, 12-го ноября 1943 г., за два дня до своего двадцатилетия, он переведен на теплоход «Свердлов» заместителем помощника капитана, а через год, 16-го сентября 1944 г., назначен вторым помощником капитана на теплоходе «Багиров». От матроса до помощника капитана всего за два года!

Все остальное остается достоянием молчаливых глубин.

Из дневника 1944 года

Вчера было грустное настроение. Все время вспоминал о матери, сестре, и захотелось мне просмотреть свой дневник, вернее, записки 1941–1942 гг. Вспомнились бомбежки, обстрелы, рейсы, уходя в которые часто не надеялся возвратиться в родной дом. И я снова прочел, что неразлучно со мной во всех невзгодах, во всех скитаниях была семья и, в особенности, постаревшая, наверное, за это время, но в тысячу раз ставшая ближе мне мать.

Дорогая мама! Образ твой всегда у меня перед глазами. Как хочется увидеть тебя счастливой! Пароход уходит в рейс. Таможенный досмотр окончен. Формальности также. Я сижу за столом в небольшой, но уютной каютке. Вокруг полная тишина, и тараканы ласково улыбаются на потолке. Сейчас вечер, поздний мартовский вечер 1944 г.

Что будет?

